

В пустоте нет места
легендам.

Ты — эхо ветра,
его тень,
его дух.

Дарья
Гущина

это часть
сущности.

Вера есть всегда,

ДУХ ВЕТРА

Три силы в одном
клубке...
в одной жизни.

Ветер. Книга 2

16+

Дарья Гущина

Дух ветра

Серия «Мир Вечности», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63612506

SelfPub; 2020

Аннотация

Волею судьбы (и одного творца) я стала сайхо рода, оберегом семьи. Я думала, что хранить – значит быть в курсе дел, чтобы видеть, откуда ветер перемен несет беду. Да и как можно остаться в стороне, когда исчезают люди-Перекрестки, а твой род – тоже Перекрестки? Когда не переставая снится и зовет древний город, а кошмары так похожи на предсказания? Когда раскрываются древние тайны, а ветер срывает маски со знакомых лиц? Об одном лишь я забыла, вмешавшись в события, – там, где появляется ветер, начинаются беспорядки. А раз я – ветер... Вторая и заключительная часть дилогии.

Содержание

Пролог	5
Часть 1: Попутный ветер	8
Конец ознакомительного фрагмента.	129

Дарья Гущина

Дух ветра

Жизнь выбрала тебя – но ты вправе отвергнуть вызов.

Чем станешь ты без людей? С собой.

Нас не спросили, хотим ли мы жить.

Но только нам дано выбирать путь.

Пойми свою дорогу, поймай свой ветер.

Пока есть свет, ты можешь отбросить тень.

Пока есть солнце и воздух, всегда будет ветер.

И хорошо, что он порой бьет в лицо.

С. Лукьяненко

Пролог

*Ветер изменяет форму песчаных барханов,
но пустыня остается неизменной.*

П. К.

Ариштанар не спал. Древний город не одну эпоху провел в темном тумане сна, наблюдая, изучая и познавая. И бездействуя. Долгое время он был подобен скалам, вырастающим на пути ветра, мрачным и неприступным, не подпускающим к себе никого, кто бы потревожил его покой. Но *тот, кому суждено*, пришел, и город впервые за долгое время проснулся и посмотрел на мир, в котором ему придется существовать.

Эпохи, полные поисков и размышлений, войн и покоя, неуловимо изменили лицо мира, столь родное прежде. Ариштанар помнил мир со времен его сотворения и наблюдал сквозь завесу сна, как он вырослел и мужал, проходя через испытания штормами и штилями. И ныне пятна черных развалин покоились на месте первых людских поселений. Рваными шрамами тянулись равнины пустошей, выжженных дотла Вечностью. Спали в объятьях морской пучины первые хранилища древних знаний.

Да, многое изменилось. Но нашлось и то, что осталось неизменным. Ветер. Он носился от края до края, обнимая

изменяющийся мир, вновь и вновь измеряя его размахом крыльев. Сила. Потоки силы тонкими нитями пронизывали мир, и он держался на них, словно доски моста на веревках, над пропастью. Люди. Мир по-прежнему растил магов и ремесленников – светлых, темных и сумеречных, искателей, торговцев и воров. Новых – и неизменных в своей сути, в природе своей силы.

И среди обитателей нового мира город с трудом отыскал *тех, кому суждено*. И обрадовался им. Да, их осталось немного. Да, это были уже тени создателей – зыбкие, сохранившие лишь подобие прежних сил. Да, они не понимали его и боялись зова города. И они забыли о своем первом доме, хотя каждый оставил береговой след на его мостовой.

И Ариштанар решил затаиться. На время. Чтобы люди узнали о нем, чтобы вспомнили его и научились понимать. Он не одну эпоху ждал их возвращения и теперь готов был подождать еще. Лишь бы снова услышать шорох шагов на темных улицах, мощеных булыжниками с символами берегов. Лишь бы снова увидеть своих людей в окнах домов. Лишь бы снова ощутить, как они счастливы и спокойны. Лишь бы снова поверить, что они рядом, в безопасности. Навсегда.

И у города потеплело на душе. Впервые за долгое время он улыбнулся, и над главной башней, что высилась в центре круглой площади, призывно вспыхнули огоньки многочисленных светлячков. Вспыхнули, чтобы озарить темные лу-

чи улиц, очертить силуэты высоких домов и отразиться в угрюмых зеркалах окон. А тьма, зыбкая и привычная, стала рассеиваться. Символы оберегов мягко замерцали и взмыли с мостовых ввысь, в душное неприветливое небо, разгоняя вязкую черноту сумерек, – чтобы собраться в неподвижном воздухе в сияющий знак. И впервые за долгое время город ощутил легкое касание ветра и увидел робкую полосу темно-алых сумерек. И радостно улыбнулся новому рассвету.

Ариштанар не спал. Древний город с нетерпением ждал гостей. Теней своих создателей.

Тех, кому суждено.

Часть 1: Попутный ветер

*Если даже ветер подгоняет тебя в спину,
не пора ли сделать шаг вперед?*

Н. А.

Такое могло случиться только со мной... Придерживая капюшон, я брела, не разбирая дороги. Лишь я могла просидеть дома безвылазно несколько погожих дней, чтобы выбраться по делам именно сегодня, в разгар безумной грозы... Ветер рвал полы короткого плаща и путался в ногах, швырял в лицо пригоршни ледяных брызг и стягивал с головы глубокий капюшон, расплетая косу. После экзаменов у меня была уйма свободного времени – аж четверть сезона Пыльной луны, целых двадцать семь дней!.. Но – нет, мы же не ищем легких путей...

До ближайшего убежища я добралась интуитивно. И, забившись в глубокую щель меж домами, перевела дух. Стремительные волны ветра прокатывались мимо, вдоль широкой улицы, задевая мокрые полы моего плаща, дергая за капюшон. Стуча зубами, я отступила в проем и обняла руками плечи. Промерзла и продрогла до мозга костей...

Последнее тепло Пыльной луны нынешней ночью кануло в Вечность, сменившись мрачным и сырым сезоном Дождливой луны со всеми ее «приятностями». Но на что я точ-

но не рассчитывала, так это на ледяной дождь. Рановато для столь резкого похолодания на равнинах. Тем более – здесь, в сердце материка Первой, защищенного со всех сторон длинными цепями гор. На островах – да, там всякое бывает, но здесь... Не нравится мне это.

Увязав в пучок мокрые спутанные волосы, я снова натянула до глаз капюшон. Надо идти дальше. Кто знает, не затянется ли буйство стихий... Может, непогода вот-вот пройдет, а может – и за сезон не уляжется. Я робко высунулась из проулка. Раннее утро – рассветные сумерки едва отцвели, но не зги не видно... Вместо сплошной стены домов – жутко завывающий клубок грязи, мусора и мутной воды. Как же все не вовремя...

– Зяк, а здесь кабака поблизости нет? – спросила я в пустоту.

Конечно, проще воспользоваться своими воровскими нитями и переместиться в любое нужное место, лишь бы там было что стащить. А еще проще – достать свиток с заклятием и вернуться домой, в завещанный Эйрином замок. Да и зелий перехода, на худой конец, стараниями среднего брата, – полная сумка. Но. Воровской нюх чуял... неприятности. Непроста буря. И не стоит в ее разгул баловаться магией, даже простейшей. А своим ощущениям я привыкла доверять.

Крылан высунул нос из-под шарфа, принюхался и крошечной светящейся точкой устремился прочь, в узкий про-

улок. Я боком двинулась следом, вытирая собой стены домов. Грубая кладка крупных камней наверху сливалась с грязно-синим небом и пахла сыростью. Под ногами журчали ручейки ледяной воды, просачиваясь в сапоги. Над головой завывал ветер, с грохотом пробегая по черепичным крышам, хлопая ставнями чердачных окон. Хочу в тепло...

Покинуть проулок я решила не сразу. Суровая стихия, то и дело меняющая направление и сужающая мир до пятнышка узкого лаза, смущала до крайности. И как ветром не уносило Зяку, чей мерцающий силуэт был едва заметен в потоке грязно-серой хмари, – я не понимала. Но сизый светляк, распахнув крылья, спокойно покачивался на ветру, поджидая меня. Я шмыгнула носом. Надо, Ясси...

Зяка обнял меня крыльями, едва я ступила в поток ветра. Наверно, я никогда не узнаю всех его способностей... Я подняла голову. Голубиных размеров фигурка – и длинные прозрачные крылья, скользнувшие по моим плечам, сомкнулись над головой. Невесомая шаль светлячкового мерцания укутала меня до кончиков сапог, и замер ветер, затих вдали грохот, а впереди померещилось высокое крыльцо с перилами из ажурного металла. И встрепенулось внутреннее ощущение страха. Никакой магии, я так и знала...

На крыльцо я взлетела быстрее ветра. Ухватила за перила и исступленно заколотила молотком в запертую дверь. И, к счастью, меня услышали. И не побоялись открыть дверь. Похоже, крылан только что сотворил подобие простран-

ственного «мешка», остановив буйство стихии в этом конкретном месте... Я ухватила светляка за шиворот и нырнула в темную комнату кабака. И, едва дверь захлопнулась, Зяка повис в моих руках безвольной игрушкой, а ветер взревел с новой силой, выламывая двери и ставни.

– Силу, значит, чужую высасывает, стервь! – красноречиво высказался дух, путивший меня на порог.

Кроме него в кабаке, похоже, не было никого. Небольшое пустое помещение с тремя круглыми столами озарялось стайкой светляков, снующих в закопченном очаге. С низкого деревянного потолка, укрепленного балками, свисали веники пахучих трав. Нет, не кабак это. А чайная. Тем лучше.

– Мы не работаем сегодня, – извиняюще заметил дух, теребя карман клетчатого фартука.

– Ничего страшного, у меня все с собой, – улыбнулась я.

Низенький пузатый человечек добродушно кивнул лысой головой и, улыбнувшись в усы, предложил располагаться, а сам исчез в темном углу, насвистывая веселый мотив. Я посадила Зяку на стол, но осмотреть не успела. Он скользнул на стул, сжался тугим клубком, завернулся в крылья и тихо засопел носом. Ладно, сияние есть, пусть и приглушенное, а значит, все неплохо.

Убедившись в собственном одиночестве, я быстро переделась. И одежду, и сапоги можно было выжимать. Натянув длинное шерстяное платье и пару носков, я завернулась в шаль и распустила мокрые волосы. Уличную одежду, по-

размыслив, разложила по свободным столам, которые предусмотрительно придвинула к очагу. Тепла от светляков, конечно, мало, но и эти крохи лучше, чем совсем ничего. Усевшись за стол, я надолго приникла к походной кружке с горячим чаем. Теперь можно жить дальше...

А буря все не желала успокаиваться. Напротив, она, кажется, только начинала набирать силу. Стены вздрагивали от шквальных порывов, и под давлением ветра жалобно дребезжали окна. А порой мне чудилось, что и дверь не выстоит, сломается, позволив ветру ворваться внутрь. В такие моменты я отвлекалась и от чая, и от наблюдения за Зякой, и вздрагивала, посматривая по сторонам.

Нет, определенно буря ненормальна...

– Простите, вы что-то сказали? – вежливо переспросил дух, незаметно проскользнувший в комнату с ворохом светляков в ладонях.

– Буря ненормальная, – повторила я, рассеянно перебирая мокрые спутанные пряди волос.

– А это в порядке вещей у нас, часто бывает, – он ловко сбросил светляков в очаг, поворошил их палкой.

– Правда? – заинтересовалась я. – Почему?

– Дык просто все, – дух настойчиво гонял сияющие клубки из одного угла очага в другой, и в чайной становилось теплее и уютнее, – пустоши это обитель. В эпоху Третьего Вечность сюда нагрянула да в пыль города стерла. А ведь здесь раньше, как легенды рассказывают, первые людские поселения

строились, первые артефакты создавались. К приходу Вечности никто готов не был, и хранилища все под землей остались.

Я с любопытством внимала.

– У Вечности магия, конечно, цепкая, но и она выгорает эпохи через три. И уже к приходу Девятого здешний город восстановили. А вот сокровища древних до сих пор ищут. А ведь древние знаете, как свое прятали? Ого-го, как прятали! Запросто не подберешься, – и мой собеседник осторожно присел на стул напротив меня. – И бури эти, как маги сказывают, от растревоженных ловушек образуются. Подобрался слишком близко – получи по... – и запнулся на мгновение, – по голове по глупой, да, – и потупился застенчиво.

– И эта буря магию высасывает? – я ободряюще улыбнулась.

– Не только высасывает. Она украденную магию в свою преобразует и наделяет ею то, что может ловушки защитить. Слыхали о Гранитном исполине?

Я кивнула. О нем не знал лишь ленивый. Черная глыба, выточенная из цельного гранита, с незапамятных времен стерегла вход в долину, где гнездилась головная гильдия магов света. Сама долина, опоясанная тремя цепями неприступных гор, находилась здесь же, на материке Первой, и имела один лишь свободный проход – на севере, где узким ущельем расступались скалы. И именно его прикрывал Исполин – величественная каменная фигура.

Его лица никому не удавалось рассмотреть – с макушки до плеч статую укутывала плотная шаль облаков. А с плеч ниспадал крупными складками длинный плащ и стелился по земле, укрывая ноги. Но иногда, когда один сезон сменял другой, Исполин оживал. И распахивались полы плаща, когда статуя преклоняла колени перед силой природы и поднимала к небесам руки. Но поскольку лично я этого не видела, то списывала появление легенды на крепкие настойки, которыми славилась магия света. Я была в долине гильдии пару раз, наблюдала за Исполином, но лишь однажды заметила, как колышутся на пронзительном ветру складки плаща. Правда, я тогда на солнце сильно перегрелась...

– Да-да, это и есть творение магии, которую буря у людей забирает, – вещал меж тем дух. – Они создаются, чтобы защищать тайны древних людей. Много таких по миру разбросано – Красный всадник на островах Заката, Морской гигант, выходящий из волн океана у побережья материка Второго... И, заметьте, все они находятся там же, где и первые поселения людей. И где могут быть хранилища.

А вот я слышала и другую трактовку легенды: подобные статуи создает сила природы – в то время, когда одна луна сменяет другую, и наступает фаза Вечности – два-три дня безумного разгула стихий. Которые, собственно, и творят из переплетений света, тьмы и сумерек то, что мы называем чудесами мира. Да, и нынешнюю бурю можно было бы отнести к проявлению фазы Вечности, если бы последняя не отгре-

мела три дня назад. Значит, здесь что-то усердно ищут. Или кого-то. Или пропавших без вести людей, или то, что может вернуть их домой.

– И помяните мое слово: когда эта буря уляжется, мы узрим еще одно диво, которое рукам человеческим ни сотворить невозможно, ни разрушить, – подмигнул мне дух.

– А как же Песчаный великан? – возразила я, ежась под порывами сквозняка. – Тот, что стоял у Песчаного кряжа на материке Первой? Его-то разрушили. И только носы сапог от него и остались.

– Так то ж не человек разрушил, – хмыкнул мой собеседник. – То, говорят, Девятый был в обличье людском.

Я не стала спорить. Посмотрела задумчиво на искрящийся светляками очаг. Глотнула чаю. Прислушалась к вою бури. И улыбнулась. Похоже, мне повезло... Кажется, здесь взламывает древние хранилища группа искателей. А они-то, вернее – их знания, мне и нужны...

– Благодарю за объяснения!

– Да не стоит, не стоит, – дух расплылся в добродушной улыбке. – Могу еще чего рассказать. Долго жил, много знаю... Мешать не буду?

– Ни в коем случае, – я достала из сумки пару чистых свитков и грифель. – Мне бы про начало эпохи Великой узнать да про первые города... Про самые первые.

– О-о-о... – протянул мой собеседник, глядя со значением. – Ариштанар?..

Я кивнула, быстро заплетая мокрые волосы в косу, и улыбнулась:

– Да, Ариштанар.

И приготовилась внимать. А после – за работу. Искателей нарочно найти невозможно, а на большую толпу искателей наткнуться можно только случайно. И я на нее наткнулась. Мне наконец повезло. Значит, пришло время воровства. И время моего попутного ветра.

Ворошить искательские умы оказалось делом непростым и утомительным. Выкапывать из этой бездны знаний тайнописи или легенды о первых городах – что искать каплю пресной воды в океане. Но я старалась. Сначала думала попроситься в группу, но потом решила не светиться: я всего лишь практикант, без наставника и разрешения главы ступени. Но с окончанием бури нужда в группе отпала. С закатными сумерками искатели вперемишку с магами, ворами и вездесущими торговцами стекались в окрестные кабаки, принимали на грудь, расслаблялись, а я в это время сидела в дальнем и темном уголке и работала.

Буря пробушевала три дня, но обещанного дива не сотворила, очень нас с духом разочаровав. Зато в первый же день я поняла, насколько сильно мне повезло. Крошечный городок, затерянный среди перевалов Облачных гор, наводнил цвет искательского общества. Чем я и воспользовалась. И никто не обращал на меня внимания. А я с детства умела

становиться невидимкой, когда того требовали обстоятельства. Такие, как теперь.

По просторному залу кабака плыли ключья густого и терпкого сизого дыма, и снующие меж столов посетители казались туманными призраками, напоминая лунного упыря. Я прищурилась, выбирая жертву среди отдыхающих. Нужен одиночка. Кража мыслей – дело затяжное и сложное, и лучше его проводить без нужных свидетелей. И одиночка нужен пьяный. Желательно очень пьяный и спящий лицом в остатках ужина. Только в бессознательные моменты защита от воровства, поддерживаемая амулетами, переставала работать. Правда, знали об этом лишь посвященные. Видимо, создатели амулетов не прочь были попользоваться чужими знаниями, и оставили вора крошечные лазейки в угоду собственным интересам. Во всяком случае, так говорила прабабушка-артефактолог.

Тихо чихнув в рукав, я протерла слезящиеся глаза и вздохнула. Миндальный и вишневый табачный дым забивался в нос и разъедал глаза. Кстати, об упыре... Синтар сдержал свое слово. Он обещал однажды уйти, и он ушел. Куда? Этого я не знала. Но отчаянно скучала по вредному нахальному созданию. Его советы и поддержка мне бы ой какгодились...

Снова чихнув, я с досадой осмотрела кабака. Невозможно работать... К гвалту с битьем морд я притерпелась, но дым... Пойду-ка я отсюда, пожалуй. Вчера надышалась до состоя-

ния, в котором сознание покидало тело, устремляясь к звездам... и еле потом до постели добралась. Я украдкой промокнула слезящиеся глаза, допила чай и свернула сшивку. Три искательские тайнописи в соседнем кабаке я найти все же успела. День прошел не зря.

Оставив на столе щепоть мелких монеток, я надела плащ и пробралась к выходу, с трудом лавируя меж пьяных посетителей и теряющихся в дыму предметов мебели. А на улице меня снова встретила затрудненная до пределов видимость. По узким извилистым улочкам растеклась мерцающая багряная пелена туманных сумерек. Обычно она блекло-серая и не столь густая, змейками скользящая у ног. Но в этом городе все было не так. Здесь туман ночью сгущался до состояния вязкого киселя, накрывая город и поглощая запахи и звуки, а с наступлением дня рассеивался до зыбкой дымки.

По местным легендам, Клес-Леер, городок, затерянный в сердце материка Первой, некогда был основан светлыми магами, но быстро ими же оставлен. По одним слухам – именно из-за багряного тумана. То ли маги начудили, то ли они в подземных хранилищах спрятали что-то, туман порождающее, но это явление не давало им нормально жить. А потом пришла Вечность, и на месте городка долгое время находилась пустошь. И, по другим слухам, туман остался именно после проделок Вечности.

А когда магия пустоши приказала долго жить, город восстановили и заселили представители разных ремесленных

путей – в основном из тех, кто промышлял нечестными делами, не состоял в гильдиях, работая на кого попало, и из-за гнусных проделок прятался от обычного люда там, где придется. Собственно, поэтому туман сочли детищем алхимии – якобы он создан в помощь скитальцам, для сокрытия тех, кому нужно спрятаться.

Я же, топая по неровной мостовой и спотыкаясь на каждом шагу, думала, что багряная хмарь могла быть порождением всего вместе плюс чего-нибудь еще. Держась за стену дома, я щурилась на вязкую пелену, но по-прежнему ничего не видела. Лишь туман загадочно подмигивал мириадами золотистых искорок, таящихся в багряной дымке. Какое изумительное место для воровства, с одной стороны...

– Зяк, охраняй, – тихо попросила светляка.

Крылан лениво выпорхнул из-под плаща и угнезвился на моей макушке. Невесомый, словно перышко, крошечный и едва заметно мерцающий, он так и не восстановился после той бури. Надо бы с Эйрином поговорить, может, он знает, в чем дело...

Снова споткнувшись на ровном месте, я остановилась, держась за стену дома. Шершавый камень, влажный и скользкий, казался единственным предметом, связывающим меня с реальностью. Я невольно посмотрела на свою ладонь. И он плакал кроваво-красными слезами тумана, оседающего на любой поверхности. Я едва удержалась от детской привычки вытереть руки о плащ. И так чистых вещей почти не

осталось... Более того, хмарь ухитрялась просачиваться под одежду, и на коже и волосах даже после купания оставались красные разводы. А любую ткань она делала склизкой и, разумеется, багровой.

Я вздохнула и побрела к постоялому двору. Все бы ничего, но в Клес-Леере такая мощная защита от воровства стояла, что даже кусочек черепицы с крыши не сопрешь. И ходить от дома к дому – только пешком, не за что зацепиться. А перемещаться через портал завещания я не хотела. Несмотря на усталость, интуиция советовала пройти пешком, прогуляться. А своему чутью я привыкла доверять безоговорочно. Не найду искомое сама, так встречу случайно...

– Ой, и-извините...

Несмотря на медленный шаг, я таки ухитрилась в кого-то врезаться. Наступив неизвестному на ногу, уткнулась носом в чью-то куртку. И насторожилась. Та-а-ак... В чью-то?..

– Ясси? – знакомые руки обхватили меня за плечи. – Ясь, ты, что ли?

Я улыбнулась. Как же тесен наш мир, как крепко переплелись судьбой пути... Туман взвихрился, рассеиваясь и расходясь волнами, и я крепко обняла брата. Немыслимо...

– Райден! – на радостях я тихо хлюпнула носом

Ветер, как же я соскучилась... Он крепко обнял и привычно застрожился:

– Ясси, что ты здесь делаешь?

Я отстранилась, кашлянула, но не нашла с ответом. Не

рассказывать же ему всю историю, о которой лучше вообще никому не знать... И меня хватило только на глубокомысленное:

– Я... Э-э-э... Это... Да... Вот.

Взгляд Райдена стал острее кинжала, а его руки требовательно сжали мои плечи. А значит, ответом он не удовлетворен и намерен здесь же его из меня вытрясти... Я мысленно вlepила себе подзатыльник. Соображаем, живо!..

– Я же без практики осталась! – затараторила нервно. – А дома не хочу сидеть! И, пока возможность есть... над темой выпускной работаю!.. Зачем время зря терять, да? – кстати, и не соврала почти... – Я ключами к тайнописям занимаюсь, а здесь... – мозг загудел от напряжения, лихорадочно подыскивая нужные сведения, – а здесь находятся старые хранилища древнего братства воров, еще времен эпохи Второго!.. – и как вспомнить-то ухитрилась?.. – Видел останки башни на северной окраине? – и доверчиво посмотрела в темные глаза Райдена. – Видел?

– Видел, – он склонил голову набок. – И?..

– ...и все ее стены тайнописями исчерчены, – я кивнула самой себе. – И они-то мне и нужны!

На самом деле загадками башни, о которой мне поведал дух чайной, я собиралась заняться чуть позже... Но хвала ветру, что вспомнила об этом.

– Врет, – прокомментировали из тумана сухо.

Шхалар. Конечно, куда же без него.

– Знаю, – Райден хмыкнул насмешливо и взял меня за подбородок. – Но потом она честно расскажет всё, как есть. Правда, Ясси?

Я беззащитно улыбнулась. Ага, расскажу, держи карман шире... «Потом» я буду готова и к непредвиденным встречам, и к неожиданным вопросам, а сочинить правдоподобную легенду с ворохом нужных событий – дел до утра. Но пока брат, кажется, не готов с пристрастием меня допрашивать. Сияющие над его левым плечом светляки озаряли осунувшееся и уставшее лицо. Без каких-либо следов пребывания в тумане, кстати...

– Где ты остановилась? – и его светляки вспыхнули ярче, разгоняя мглу. – Пойдем, про... – Райден запнулся, расплылся в широкой ухмылке и захохотал на всю улицу.

Да-да, вот уже второй день я пребываю в багровом настроении с головы до пят... Проклятый туман ложился на открытые участки кожи всеми оттенками красного, и я так и не смогла утром смыть с лица едкие полосатые разводы.

– Ясь, – брат, посмеиваясь, вытер тыльной стороной ладони скользкий осадок с моей щеки, – здесь же на каждом углу продают зелье, защищающее от действия тумана!

– Правда? – удивленно моргнула я.

Совсем из реальности выпала со своими тайнописями, очевидное перестала замечать...

Он обнял меня за плечи, увлекая за собой:

– Поздно уже, пойдем. Провожу и расскажу, где что ку-

пить. Ты надолго здесь?

Мы пошли к постоялому двору, и багряная хмарь расступалась перед нами, испуганно прижимаясь к стенам домов. Шхалар молча топал следом. Даже поприветствовать не вышел, прячась в густом мареве. Стыдно, что ли?.. Да вряд ли у него есть совесть.

– Вообще-то нет, но могу остаться, если нужно, – я покосилась на Райдена. – Нужно?

– Нужно, – он улыбнулся. – И вор свободный нам пригодится, и... я соскучился. У тебя есть допуск к работе?

– Нет, конечно, – вздохнула с сожалением. – Я же только практикант и без наставника...

– Добуду, – пообещал брат. – Завтра же все улажу. И завтра же жду на месте – в ущелье за южной окраиной города. Найдешь?

– Обижаешь, – я подняла брови.

Мы свернули в извилистый проулок. До постоялого двора – два дома.

– Тогда до встречи, – Райден обнял меня, наклонился и шепнул на ухо: – вечером приходи, к закатным сумеркам, тогда и поговорить спокойно успеем... Кстати, ты правда на пятый день учебы взорвала хранилище воров?

Я потеряла дар речи. Шхалар, змей чешуйчатый!.. Я смущенно улыбнулась:

– И не на пятый день, а позже, и вообще, это не я, а тень мрака, а я...

- ...ни при чем? – добавил брат весело.
- Ты же знаешь, – отозвалась в тон ему.
- Конечно, – задорно поддакнул он.

И разбежаться пора, и увидимся завтра, и поговорим... но я не смогла его отпустить. Обняла, прижалась щекой к его плечу, вцепилась в куртку.

– Яськ, ну что ты...

– С тобой хочу... – я не выдержала и тихо хлопнула носом.

– Нельзя, не сегодня, – Райден снисходительно, как маленькую, потрепал меня по плечу и отстранился. – Лагерь уже закрыт. Беги спать.

Я шмыгнула носом, криво улыбнулась, но послушно развернулась и побрела к высокому крыльцу постоянного двора.

– Слушай, а что у вас за история с поисками морока была? – спросил он вслед с любопытством, и я невольно споткнулась. – Когда полгильдии светлых магов явилось истреблять нечисть с Изнанки и едва не разнесло город воров, гоняясь за твоим светляком?

Я обернулась через плечо и невинно осведомилась:

– А больше Шхалар тебе ничего не рассказывал? Так спроси про закатных «прилипал», например. Это моя первая удачная попытка в совмещении потоков. И про то, как у меня тему выпускной работы из-за его дотошности увели, тоже разужнай!

Багровый туман оскорбленно фыркнул. Я повернула го-

лову на звук и лицемерно улыбнулась:

– А-а-а, Шхал, ты еще здесь? Добрых сумерек, – и подмигнула брату: – Райден, а ты про «прилипал»-то спроси. А не расскажет сам, так я завтра покажу, – и снова улыбнулась туману: – Они тебе понравятся.

Брат хохотнул:

– Верю.

Открыв тяжелую дверь постоянного двора, я замерла в проеме, наблюдая, как тает магия сумерек и спускается на проулок багровая мгла, скрывая высокие удаляющиеся фигуры и поглощая тихие шаги. Ну вот, начинается... Так же, как и в прошлый раз. Случайная встреча с неразлучной парочкой там, где меньше всего рассчитываешь увидеть знакомое лицо, – и непредвиденные последствия столь странных встреч, и...

Сохрани меня ветер...

Я мрачно смотрела в зеркало. Из его серебристых глубин на меня не менее мрачно взидало багряное нечто. Лучшее бабушкино зелье чистки оказалось бессильно против магии тумана. Порошок, от вредного действия предохраняющий и купленный вечером у хозяина постоянного двора, тоже не помог. Интересно, как тут люди живут? Неужели по утрам зельями обливаются вместо умывания да порошками обсыплются вместо стирки одежды?

Багряное отражение хмуро насупилось. Кожа – с тем-

но-красными разводами. Волосы – всех оттенков багрянца, от бледно-красных до почти черных, с характерным золотым мерцанием. Даже глаза изменились: радужка стала багряной, а в зрачке притаились золотые искры. Жуткое зрелище. Настроение крови. К чему бы это?..

Вздохнув, я отвернулась. Надеюсь, багрянец временный... Я запустила руки в сумку в поисках одежды. Поскольку она являлась порталом в хранилище, тряпки я сдавала духу, и тот за ними приглядывал – стирал и раскладывал по полкам, с которых я нужное и извлекала. Однако теперь полки были совершенно пусты. Разумеется, дух все выбросил, и правильно сделал. Из-за «купания» в туманном киселе одежда восстановлению не подлежала и после стирки. А у меня с собой вещей-то было не так много... Запасы кончились.

– А от Эйрина что осталось? – спросила я у сумки.

И спустя мгновение извлекла на свет тугой сверток. Развернула, изучила и усмехнулась. Как однажды заметил Айло, недоразумение навсегда останется недоразумением, потому как притягивает к себе всяческие недоразумения. Голубые штаны с красными заплатками на коленках, желтая в крупный зеленый горох рубаша, синяя туника с рукавами по локоть, фиолетовые сапожки и короткий плащ с капюшоном под цвет моего нынешнего настроения. Висело это счастье на мне как на вешалке, да выбирать не из чего. Надо бы совершить набег на местные лавки...

Одевшись, я прилежно обсыпала себя защитным порош-

ком, перекинула через плечо сумку и отправилась изучать развалины башни, чернеющие на холме за северной окраиной города. Надо же Райдену вечером про них рассказать, чтобы не приставал с вопросами, на которые нет ответов... Тем более в моем распоряжении – целый день.

До северной окраины Клес-Леера я добиралась недолго. Городок небольшой – с десятков длинных узких улиц, сплетенных в тугой клубок, вытянутый с запада на восток от озера к озеру. С севера и юга город подпирали крутые склоны гор, чьи вершины терялись в рваной дымке облаков. Кстати, белых. Туда колдовскому туману добраться не удалось. Да, я все о насущном...

Выбравшись за окраину и пройдя по каменистому полю, я взобралась на высокий холм, где гнездились останки башни, и обернулась. Здесь наконец меня оставило чувство... клетки. Дома в городе невысокие, два-три этажа, но из-за узких улиц, где паре людей, идущих навстречу, порой не разойтись, казалось, что Клес-Леер прижимает к земле – неровными стенами и длинными карнизами, распахнутыми ставнями и низкими балконами. И бельем, которое сушили над головами прохожих местные жители, развешивая его на протянутых от стены к стене веревках. Видимо, стирку зельем так обсыпали...

Я глубоко вздохнула и с удовольствием потянулась, подставляя лицо влажному ветру. Гоняя по низкому небу тяжелые черные тучи, он стремительно уносился вдаль, стряхи-

вая с сырых крыльев редкие капли дождя. И я невольно посмотрела ему вслед – туда, где у подножия скалы ежилось под мелкой моросью хмурое озеро. Пора бы и мне в путь... Добуду недостающие тайнописи, попробую расспросить Райдана о загадочных пропажах – и в дорогу, не стоит засиживаться на одном месте. Подозреваю, времени у меня в обрез.

Останки башни неприкаянно темнели на дальнем склоне холма, сливаясь с грязно-серой насыпью скалы. Два низких этажа, полукруглые пустые окна, неприветливо-черный дверной проем, наполовину заваленный камнями, и отсутствующая крыша – вот и все, что осталось от первой гильдии воров, основанной в эпоху Второго. Дополняли убогое зрелище мшистая кладка кривых стен, утопающих в жухлой траве, и чахлый кустик, сиротливо свисающий со второго этажа. И – полное отсутствие жизни. Ни насекомых, ни мелких зверьков, ни птиц. Лишь ветер тоскливо завывал в провалах крыши, заглядывая в окна и вынося из башни сырой запах гнили.

К башне я добиралась через препятствия: холм усеивали крупные осколки камней, схожих по виду со скальной насыпью. На последнюю я посматривала с опаской. Больно хлипкой казалась их относительная неподвижность на горном склоне, нависающем над холмом. Перебираясь через поросшие мхом валуны и путаясь в сухой траве, я размышляла. Нет, не о бренности человеческих творений. Я думала о том, почему гильдию забросили. Какой страх заставил людей

бросить все, удрав подальше? Неужели багряный туман?

В неприветливый дверной проем я пролезла с трудом, вывозившись в каменной пыли. Отряхнувшись, заправила за ухо прядь волос, огляделась и брезгливо сморщила нос. Неуютно и мерзко. Сырость, источаемая стенами, пробирала до мозга костей. Скучного света, проникающего сквозь маленькие окна, едва хватало, чтобы рассмотреть груды камней, некогда сложенные в перекрытия. Недолго думая, я нащупала паутинный поток силы мрака и соорудила себе повязку, позволяющую видеть в темноте. Так, где тут дух чайной видел тайнописи?

Я облазила оба этажа, но, кроме скользкого зеленоватого грибка и вездесущего мха, ничего не нашла. И, почесав кончик носа, присела перед глубокой дырой в полу. Надо было уточнить у духа, из какой эпохи он родом... Я нерешительно склонилась над провалом, и на меня дохнуло гниющей сыростью старого подземья. Скользящая тьма свернулась внизу молчаливым клубком и... И кто знает, не скрывает ли она опасность?..

Воровское чутье озадаченно молчало, но совету осторожности я вняла. Пошарив в сумке, вынула наружу учебное творение – закатных «прилипал». Когда я их создавала, то использовала нить вора, цепляющую цель, и закатный луч как источник света. Могут ли они пригодиться? Я давно о них забыла, и способности «прилипал» остались неизученными. А теперь время, видимо, пришло. Если внизу – опас-

ность... то «прилипалы» все равно неубиваемы. Их даже Шхалар не смог уничтожить. За приманку точно сойдут.

Улетев вниз, «прилипалы» рассыпались в крошечной тьме многочисленными бликами догорающего заката. Сколько у меня их было? Штук десять? Кажется, на «свободе» они множатся сами по себе... Рассмотрев в их сиянии груды камней внизу, я вытащила из потока ветра цепляющую нить и очутилась внизу. Бегло изучила стены, нашла еще одну дыру в полу и спустилась за «прилипалами» на следующий этаж. Прошлась по нему, обойдя три полуразрушенных помещения, и продолжила спуск в неизвестность.

Искомые тайнописи обнаружились на десятом этаже подземной башни. Едва я туда спустилась, как «прилипалы» взяли меня в плотное подвижное кольцо. Я быстро огляделась. Здесь не было ни гнили, ни сырости, ни мха. Ровная, словно отшлифованная умелыми руками кладка стен, круглые комнатки, связанные овальными арочными пролетами, прочный сухой пол, и ни одного случайного камешка. Это уже похоже на подземное хранилище... Кстати, подозрительно знакомое.

А мог ли Эйрин вместе с жизненной силой передать мне и часть своей памяти?..

Я подошла к стене и сощурилась на трещины символов. Жаль, Зяки нет, он бы здорово помог... Но с вечера я, по совету Эйрина, уложила светляка в спячку – силы восстанавливать. Конечно, крылан сопротивлялся и рычал, но я ока-

залась упрямее. И теперь полагалась только на свои способности Перекрестка и неистребимое всезнайство.

От робкого подвижного мерцания «прилипал» по стенам поползли безымянные тени, выхватывая из густого мрака то спираль, то бесчисленное пересечение линий, заключенных в квадрат. Помедлив, я достала шивку, зарисовывая увиденное. Сколько уже копаюсь в тайнописях, а никогда прежде не сталкивалась с подобным... «Прилипалы» меж тем не унимались. Подпрыгивая и пританцовывая, они то вертелись перед носом, то лезли под руку, то ныряли в сапог. Я морщилась, но терпела. Жаль, но для создания других источников света сил не хватит... Пять-шесть хилых светляков – мой магический предел, а этого мало.

Я извернулась, отловив очередного наглеца у края ворота. Надела капюшон, но следующий светляк уже нырнул под косу и просочился под одежду, щекоча кожу спины. Я прижалась к стене, и «прилипала» упал к моим ногам ворохом желто-красных искр. Один. А их еще штук десять кружит без цели... И раздавленный уже собирается воедино. Но я... очень-очень терпеливый человек. Вреда, конечно, от них больше, чем пользы, но ради этой крошечной пользы можно немного потерпеть. Не обращать на них внимания и делать свое дело.

Время пролетало незаметно. Между изучением тайнописей и битвой с «прилипалами» я сгрызла дневной запас яблок и решила, что пока все не запомню, наверх не полезу.

Ибо вряд ли решусь снова спуститься в эту сырость. Я обошла пять помещений, скрупулезно изучая каждый уголок стены, а тайнописи и не думали кончаться. И в восьмой комнате меня начали терзать смутные сомнения. А в девятом помещении, закольцованном с первым, сомнения обрели очертания догадки. Девять комнат – как девять ремесленных путей, собранных в круг. Неужели это древние, самые первые тайнописи ремесленников?..

Поставив последние точки над очередным символом, я сложила сшивку, сунула ее под мышку, отогнала от лица пару «прилипал» и с любопытством ощупала стены. Сухой теплый камень. А что скрывается в сердце хранилища?.. Помещения расположены по кругу, подобно камням ожерелья, сверкающим на шее. Вопрос. Как попасть в эту «шею»?.. И, конечно, здорово бы найти там ключи к тайнописям... Но я больше ничего не нашла. Обшарила внимательно стены от пола до потолка, благо, последний – низкий, но... Ничего.

Разочарованно вздохнув, я достала из поясного кармана кружку с чаем. Одно из двух – или ничего больше здесь нет, или... всему свое время. И в связи с последним подумалось: а мог ли Эйрин, создавая меня, прописать мой путь? Могло ли в моем подсознании изначально быть «зашиито» скрытое понимание необходимых дел? И того, каких именно людей мне нужно встретить, – и я познакомилась с артефактологом, который помог мне постичь собственную сущность сайхо. И того, в каких местах мне нужно побывать, без учета зо-

ва ветра и сундучков, и я – совершенно случайно – оказалась здесь, среди тайнописей, которые считаются утерянными?..

Я задумчиво шмыгнула носом. А если вспомнить первые ощущения от подземья... Все может быть. Как и то, что я нашла – опять же, совершенно случайно, – упомянутые Эйрином тайнописи Изначальности. Первые знания первых ремесленников, переведенные на первый язык символов. Символов – не зависящих, как известные, от эпохи и ее веяния или же от местности. Здесь не было ни кругов света, ни паути тьмы, не полукружий заката, ни облачных полос рассвета. Убрав кружку в поясной карман, я достала «чтец тайн» и проверила ближайший символ. Нет, и никакого двойного дна. И, кажется, я не ошибаюсь ни в одном из двух последних предположений. Эйрин ведь говорил, что обещал молчать, но он не обещал не делать...

Наверх я поднялась, пребывая в глубокой задумчивости. Хитрости и изворотливости «предка» с избытком хватило бы на весь мой род, включая меня... И, конечно, с ним бесполезно обсуждать последние предположения. Жаль, Синтар ушел... Мнение опытного артефактолога, умеющего создавать сайхо, мне бы ой как пригодилось... И пока я пришла к простому выводу – нужно слушать себя, верить ощущениям и смотреть по сторонам, чтобы ничего не упустить. Опять же, в магию тумана так бездарно не вляпаюсь...

Попутно собрав в один клубок «прилипал» и убрав их с глаз долой, я перебралась через завал у дверного проема,

отряхнулась и замерла. В воздухе пахло... страхом. В мрачном небе гасли последние искры заката, и с гор на долину Клес-Леера сползали щупальца туманных сумерек, по пятам за которыми следовала ночная мгла. Башню и холм укрывала грязно-серая хмарь, и ее клочья на ветру приобретали очертания странных созданий. И то, что стояло напротив меня, сначала показалось порождением тумана. Пока не зарычало.

Я невольно попятилась, уперлась спиной в завал и затаилась. А существо потянулось, покогтилось, выгибая шипастую спину, стегануло раздвоенной плетью хвоста оземь и ослабилось. Я судорожно сглотнула. Вечность, что это?.. Никогда не видела столь мерзких тварей... Длинное костлявое тело и короткие лапы, уродливая морда с шишковатым лбом и выпирающей нижней челюстью, мертвенно-бледная кожа, с боков покрытая струпьями, а вдоль позвоночника, ото лба до обоих кончиков хвоста, украшенная черными шипами. И в довершении – капающая с нижней челюсти едкая слюна, острые иглы клыков и злобно горящие белесые глаза. Голодные белесые глаза.

Ветер, я ни о чем подобном не читала, и эта тварь точно не из существ Изначальности... Я проглотила испуганный вопль и прикусила язык, когда существо, снова с хрустом потянувшись, уставилось на меня. Уставилось. Облизнулось. Лязгнуло зубами. И медленно направилось ко мне. Неспешно переставляя кривые лапы и виляя задом. Уверенное в том, что никуда я не денусь и позволю себя сожрать.

А я... А что я? А я жить хочу! И инстинкт самосохранения переборол панику, давая подсказку. Я быстро сунула руку в поясной карман, нащупывая завешание и наизусть читая заклинание портала.

– Ребята-а-а? Помощь нужна!

– Какая? – из поясного кармана высунулась включенная рыжая голова одного из близнецов.

– Вот!.. – я ткнула пальцем в чудище.

– О-о-о, какой замечательный, – одобрительно хмыкнул он. – Славное животное.

– Где? – раздалось из кармана раздраженное. – Слышь, Энс, подвинься, дай посмотреть!

– Обойдешься, рыжий, – Энсли восхищенно глазел на тварь.

– Кто рыжий? – зашумел его брат. – Это я-то рыжий?! Ты сам-то давно в зеркало смотрелся, недоумок рыжий?! Уйди, кому сказал!

Тварь, почуяв неладное, прибавила шагу. Энс плавным движением вылез из кармана, закрыв меня собой. Следом за ним, ворча, высунулся Эмсли.

– Ай, красавец, – протянул он в тон брату. – Чудный зверек! – и тоже выбрался наружу.

– Извращенцы, – мрачно прокомментировала я. – Короче... спасайте.

– Убить, порезать или?.. – оглянулся на меня Энс, и из его ладоней выскользнули огненные клинки.

Тварь замерла, чутко поводя черным треугольным носом, переминаясь с лапы на лапу и нервно подергивая хвостом.

– На твое усмотрение.

– Отлично, – плотоядно ухмыльнулся рыжий, – он мой.

– Почему это твой? – возмутился Эмс. – Почему это сразу твой? Слюни подбери, делиться надо.

– Ладно, – его брат хмыкнул, – уговорил. Забирай вон тех двоих.

Каких еще «тех двоих»?.. Я испуганно огляделась. А из-за башни, по костлявую грудь утопая в призрачной хмари, выворачивали еще два «красавца». Я невольно съежилась.

– А остальных как делить будем? – Эмс беспечно взмахнул огненной плетью, высекая искры из валунов. – По-братски?

Ост-тальных?... Забери меня ветер...

– Обойдешься, – осклабился Энс. – Кто своих вперед порубает – того и оставшиеся.

– Тогда начали.

Я зажмурилась, чтобы не видеть расправы, и хриплый вой существ больно резанул по ушам. Спрятав лицо в коленях и закрыв голову руками, я тщетно боролась с паникой, убеждая себя, что все обойдется. Что близнецы справятся. Что я вернусь в город живой и невредимой. Что увижусь с Райдедом... Ой. Он же меня ждет... Я же обещала прийти с закатными сумерками...

– Радужная, не зевай! – раздался резкий окрик рыжего.

Я робко подняла голову, глядя в щель меж локтей. А чудище уже готовилось к прыжку. Белесые глаза смотрели на меня с тупым выражением голода. И, конечно, ничего я со страху наколдовать не успела. Только испуганно завизжала, по-детски выставив перед собой руки. А следом завизжало и чудище. Не достав до меня полшага, оно с воем отлетело в сторону и уткнулось мордой в землю, забило судорожно хвостом. А я успела заметить, как на безобразном лбу проступили, подобно ожогам, багровые отпечатки моих ладоней.

– Защиту наколдуй, что ли! – рявкнул один из братьев.

Я пропустила его слова мимо ушей и ошарашенно посмотрела на свои руки. Потом выудила из-под ворота плаща косу. И присвистнула. Вот те и туман... С приближением существ я начинала лучиться багрянцем как светляк. Вот, значит, зачем он нужен городу... Тварь меж тем очухалась, злобно зарычала и вновь бросилась в атаку, да напасть не успела. Огненная плеть Эмса прошлась по шипастой спине, оставив от чудища лишь пепел. Я перевела дух. Так, гордость, ты где? Еще здесь? Удивительное рядом... Значит, делаем ноги.

Твари вырастали из тумана одна за другой.

– Эмс, берешь трех слева, а мои – четыре справа!

– А давай кто больше, а?

– А давай!

Ненормальные... Я живо прикинула расстояние от холма до южной окраины города. Нет, далеко... Но попробовать можно. Я вытянула из потока нить захвата цели, представила

Райдена и рванулась к нему ветром. И почти дотянулась, коснувшись жесткой кожи, кажется, куртки, почти... И, врезавшись в невидимую преграду, отлетела назад. Знакомая насыпь у башенного входа любезно предоставила мне свои каменные бока для приземления. Густой мох смягчил удар, но из жизни я ненадолго выпала.

– Ю-у-ух!... Пятнадцатый!

– Врешь, трепло!

– Призраки не врут, братец, а мы с тобой – они самые! Твои выводы?

Я с трудом подняла голову и слепо заморгала. Перед внутренним взором взрывались разноцветные звезды, и нещадно ломило затылок. Я неловко села, охнула от боли в спине и зашарила в кармане сумки. Вот растяпа... У Райдена же есть защита от воров, наверняка ему прабабушка амулет смастерила... Дрожащей рукой нащупала искомую бутылку, зубами вынула пробку, сплюнула и одним глотком выпила лекарство. И правильно, защита нужна, коли в воровской компании работаешь... Я отбросила в сторону пузырек и наконец заметила, что держу в левой руке братьев сапог. Вот те и дотянулась...

– Радужная! Жива?

– Почти, – отозвалась вяло, закрыв глаза.

Боль постепенно притуплялась и уходила прочь, шипастого зверья я уже не боялась. Близнецы расправлялись со стаей умело и безжалостно, а те твари, что рисковали соваться

ко мне, получали ожоги и выли, катаясь в высокой траве. Но когда они кончатся-то?..

– Эй, а я тебя знаю! – неожиданно завопил один из братьев.

Знакомый запах – терпкая магия сумерек... Я попыталась привстать, но снова села от удивления. Ко мне шел Шхалар. На небритой физиономии – угрюмое недовольство, в глазах – острый холод мглистого огня. И выпущенная на свободу источниковая сила хлещет через край.

– Сзади, Шхал... – заикнулась я.

Сумеречный и бровью не повел. А чудище, полыхнув изнутри сизым, распалось ключьями тумана. Собственно, как и его шипастые сородичи.

– А что это за заклятье? – заинтересовалась я.

Шхалар не ответил. Подошел и молча протянул мне руку. Я, уцепившись за его предплечье, с трудом встала, едва удерживаясь на ногах. Снова разболелась голова, заныла ушибленная спина и мелко задрожали колени.

– А Райден... – я нерешительно посмотрела в невозмутимые сизые глаза.

– Ждет, – ответил он коротко.

И не сказал больше ни слова. Наклонился, перекинул меня через плечо и пошел прочь с холма.

– Эй, а где?.. – раздался возмущенный вопль. – А куда чудики делись? Я ж не успел добить до тридцати!

– А я – до сорока!

– Эмс, ты же призрак, тебе природой не положено врать!

– А тебе?

– Любопытный вопрос, кстати...

А продолжение разговора я не услышала. Холм и башня слились в сплошное сизое пятно, и меня замутило. Я, конечно, Перекресток и могу колдовать, но, не рожденная магом, физически не переношу двух вещей – мыслесвязи и укороченного пути. Шхалар, спустившись с холма, вынырнул у черты города, затем, со следующим шагом, – у центральной площади и остановился у крыльца постоянного двора на южной окраине Клес-Леера. Болтаясь вниз головой, я отчаянно боролась с собственным организмом, прижав руку ко рту. Только бы дотерпеть...

Шхалар опустил меня на мостовую, и в столь неприглядном виде – «полосатая» от тумана и в пыльной одежде, зажимающая рот и обнимающая братьев сапог, дрожащая и удерживаемая за воротник крепкой сумеречной рукой – я и предстала пред мутным взором Райдена. Он сидел на крыльце и вид имел потрепанный и пришибленный. Эк его отдачей от моего прорыва приложило... Надеюсь, что не о крыльцо.

Сказать брат ничего не успел.

– А предупреждать надо!.. – да, лучшая защита – это нападение.

– Отлуплю! – пригрозил Райден обреченно.

Я крепче обняла сапог и воинственно нахохлилась:

– Тогда зелье лечебное не дам!..

– А есть? – в мрачном взгляде проявилась заинтересованность.

– Полная сумка, – я робко улыбнулась. – Айло поделился...

Он встал, тяжело опираясь на перила, и требовательно протянул руку. Я торопливо вернула сапог и зашарила в сумке. Шхалар меж тем оставил в покое ворот моего плаща, а заодно и шатающуюся меня без поддержки, и молча устремился на постоянный двор. Наша с Райденом запоздалая благодарность растворилась в скрипе хлопнувшей двери, и брат едва успел подхватить меня под локоть и усадить рядом с собой на крыльцо.

Достав из сумки зелье, я невольно оглянулась на дверь постоянного двора.

– Обиделся, что ли? Ему же не привыкать вытаскивать меня из разных... нехороших мест.

– Нет, не в тебе дело. Он давно сам не свой, – Райден взял бутыль. – Мгла знает, что с ним творится... – и надолго замолчал, занятый лекарством.

А я пила свое, отстраненно глядя на стену багрового тумана. Сегодня моя сущность недоразумения спасла мне жизнь, и, возможно, не раз...

– Яськ, пошли спать, – брат, натянув украденный сапог, тяжело вздохнул и сморщился, потирая виски: – Остальное – завтра.

– И про шипастых расскажешь?

– И отлуплю для полноты ощущений.

– А всё-таки – откуда они?

– А сама не догадываешься?

– Ну... нет.

Райден качнул головой неодобрительно, но объяснил:

– Это вырвавшиеся на свободу хранители тайников. Помнишь жгутолапых из пустоши? У них одна природа. И прежде шипастые рыскали по округе и рвали все, что движется, пока маги не создали защитную пелену.

– А-а-а...

– И тебе следовало о них знать. Ты чем здесь занималась?

– Воро... гуляла.

– Ну-ну... На будущее, Ясь: когда приезжаешь в незнакомую местность, не ленись узнать, чего бояться и как защищаться. Мир полон опасных тайн, и пора бы тебе это понять.

– Так я... Я ж только из ступени, с учебы...

– Я сказал – на будущее. Кстати, а какое у тебя настроение нынче?

– Райден!.. Завидуй молча!

– Что *это* такое? – холодные светло-серые глаза смотрели на меня, как на мелкую букашку, по глупости залетевшую в палатку.

– Моя сестра, Яссмилина, – спокойно ответил Райден, незаметно сжав мое плечо повыше локтя.

– И?.. – глава похода насмешливо фыркнул, откинувшись

на спинку стула и скрестив руки.

Мы с братом переглянулись, и он подмигнул: мол, не теряйся. А я... не просто терялась. Я откровенно боялась сидящего напротив человека. Все представители сумеречной магии крайне самолюбивы, а уж если природа не обделила их силой, выведя на уровень Старшего поколения... Получалось то, что получалось – надменное и напыщенное существо. Райден бы, наверно, тоже таким вырос, но мы с братьями на примерах доказали ему, что это вредно для здоровья. И в нашем обществе он прятал свою надменность куда подальше. А Шхалар нам был не по зубам.

Цепкий немигающий взор не отпускал, изучая меня и выводы делая неутешительные. Я то бледнела, то краснела, но не решалась поднять взгляд и сказать хоть слово. Давно я так себя не стыдилась – за нелепый и незначительный вид, «полосатость» и... И зачем согласилась?..

– Наставник Танар... – начал брат.

– Я уже давно не твой наставник, парень, – резко перебил глава, – и не о тебе речь идет, так что помалкивай! Я жду, что *это* о себе скажет! Ну?

Райден послушно заткнулся и пихнул меня локтем в бок. Я шмыгнула носом и покосилась на него исподлобья. Он сделал большие глаза. Я неловко отвернулась. Вчерашнее происшествие для брата даром не прошло. Под его левым глазом темнел синяк, правую щеку и нос украшала сеть царапин, на лбу под длинной челкой наливалась шишка. Осталь-

ные последствия знакомства с крыльцом скрывали походные штаны и наглухо застегнутая сизая куртка с высоким воротом, вокруг которого вились кольца светлых волос. А ведь я предлагала примочки сделать, так нет же, синяки украшают мужчин...

Я тихо хмыкнула. Пару мы с ним являем ту еще, если вспомнить о моем багряном настроении...

Темная бровь Танара надменно приподнялась, губы сжались в тонкую полоску. Я спрятала расплзающуюся ухмылку и перевела дух. Так, мне не страшно... И ничего пугающего, кроме нашивки мглистого мага Старшего поколения, в главе нет... Я подняла взгляд и посмотрела на своего сурового дознавателя. Широкое лицо с высокими скулами и седина на висках, глубоко посаженные холодные глаза и спадающие на лоб темные пряди волос, старый ожоговый шрам на правой щеке и большие уши. И всё. Ничего страшного.

Я незаметно вцепилась в братово запястье и представилась:

– Яссмилина леер Ат-Нор, Старший род Мглистых сумерек, потомственный вор, пока – в звании практиканта. С отличием окончила учебную ступень гильдии в Хелан-Ханар-Хассине. Мой... прадед – Эйрин леер Ат-Нор, возможно, вы о нем слышали.

Глава похода уставился на меня с толикой интереса и гулко пробасил:

– Ага, вот кого ты мне напоминаешь! Тема работы?

– Тайнописи, – я смутилась.

– С отделения «свиточников»? – уточнил он иронично.

Я кивнула, смутившись еще больше.

Цепкий взор переместился с меня на Райдена и полыхнул гневом:

– И за какой мглой ты *это* сюда привел?!

– Наставник Танар, новый вор нам не помешает, – брат, в отличие от меня, не терялся и настойчиво смотрел на главу: – Мы с начала сезона Пыльной луны здесь торчим, а ни искатели, ни воры так ничего и не обнаружили.

Нет, зря мы это затеяли... Всё равно на магах и искателях стоит такая защита, что ни в мысли к ним не пробьешься, ни пуговку с плаща не стащишь... без вреда для здоровья. Пьяными их в кабаках отлавливать проще.

– Я давно считаю, что нам нужна свежая кровь, и вчера Нитис меня поддержал.

Я наострила уши. Нитис? Двуликий наставник из учебной ступени, нагло укравший мою гениальную тему о совмещении потоков?.. Пожалуй, я здесь ненадолго задержусь...

– Нитис? – переспросил Танар, хмыкнул звучно, да как заорет на всю палатку: – Нитис! А ну дуй сюда, вор недоделанный!

Вздрогнув от неожиданности, я крепче ухватила за руку Райдена, а он и бровью не повел, видимо, к подобному обращению привыкший.

Хлопнул полог, и взгляд Танара переместился за наши

спины. Вошедший Нитис небрежно кивнул Райдену, скользнул по мне безразличным взором и вопросительно посмотрел на главу похода. Судя по гильдейской куртке цвета сизой мглы, он здесь в качестве мага, а не вора... А еще очевидно, что он меня не узнал. И нисколько не изменился с момента нашей последней встречи. Узкое смуглое лицо, раскосые черные глаза, нос горбинкой, темные кудрявые волосы до плеч, тонкие длинные усики.

– Что вы плели про свежую кровь, а? – недружелюбно уставился на двуликого Танар.

Нитис нервным жестом подкрутил ус и сухо заметил:

– У воров забиты потоки, как всегда при большом наплыве работы. Они перестают слышать зов и ощущать ветер. Наша группа уже два сезона работает как проклятая. Люди устали. Нужны новички и лучше из практикантов: да, сил у них не так много, но желания проявить себя хоть отбавляй.

– Устали, говоришь? – поднялся во весь свой немалый рост глава похода. – Я им покажу, мать их, устали! Мало гоняю, бездельников! – и фыркнул сердито: – Устали они! Неженки недобитые! Мокрицы ленивые!

Оба мага терпеливо выслушали яростные вопли Танара, переглянулись, и брат спокойно предложил:

– А давайте проверим? Позвольте Яссмилине пару дней поработать с нами. Если она что-то почувствует – значит, мы правы. И искателей и воров нужно будет добирать из новичков.

А Нитис ничего не сказал. При слове «Ясмилине» он впился в меня долгим взглядом и побледнел. Я радостно ему улыбнулась:

– Добрых сумерек, наставник Нитис! Какая неожиданная встреча!

Двуликий отвернулся и с остервенением защищал свой левый ус. Я ухмыльнулась. Он всё понял правильно. И он в курсе того, что я знаю о его поступке. И все прекрасно помнил – и птичку курлы-курлы, и тень мрака, чуть его не убившую... Планы мести, помимо моей воли, распустились ярким бутоном, расцвели пышным цветком ядовито-желтого сеана. Мне бы немного времени...

– Не думаю, что... – начал Нитис и запнулся.

Глава похода стукнул кулаком по столу и решил:

– Добро! Оставайся. Пять дней тебе. И не подведи братца. Я робко кивнула.

– А теперь все вон отсюда! И без вас дел до задницы!

Нитис ветром вылетел из палатки вперед нас. Я медленно улыбнулась ему вслед. Ничего-ничего, я до тебя еще доберусь, трусливый слизняк...

– День сегодня чудный... – Райден медленно брел по тропинке меж палаток, заложив руки за спину, и глазел на голубое небо.

– Солнышко светит... – я рассеянно поддержала тему разговора, топая рядом.

На ясном небе – ни облачка, и солнце припекало, словно прощаясь. Впереди – два долгих сезона дождей и снегов, на что и намекал холодный ветер, снующий по ущелью. Последнее – длинная и узкая трещина – разделяло две скальные насыпи, напоминающие горки пышных хлебцев. Ни живой растительности, ни зверья. Сплошная пыльная серость, изредка разбавленная желтыми проплешинами сухой травы и коричневыми – глины. А дома наверняка красиво... Деревья, наряженные в желто-красные платья, сиреневые трилистники, цветущие только в Дождливую луну...

– Райден, а никого из наших здесь нет?.. – спросила тоскливо.

– Нет, – отозвался брат с сожалением. – Я рекомендовал Язгара, но наставник Танар... не слишком хорошего мнения о нашей семье.

– Почему? – удивилась я.

– Видела его шрам? – он едва заметно улыбнулся и, сморщившись, потер расцарапанную щеку. – Это от Айло. На долгую память.

– Опа... – присвистнула я.

– Танар прежде в ступени работал – и меня обучал, и магов из других ветвей силы, – Райден сощурился на солнце. – И однажды на уроках Айло с ним сцепился. Братцу же палец покажи – сразу в глаз получишь, а наставник никого уважать не привык, тем более мелочь сопливаю, как он нас называл. Только Шхалара, кажется, опасается.

Да, и я его понимаю... Сама сумеречного боюсь. Иногда.

– Айло подождал, когда Танар отведет все положенные занятия, получил зачет по теории сумерек и сразу же напакостил. Как этот проныра ухитрился пробить защиту мага Старшего поколения, обвести его вокруг пальца и выжить после – не знаю. Но с тех пор Танар в учебные ступени ни ногой. Ушел в полевую работу. И терпеть не может наше семейство.

– А я тогда тут как?.. – я недоуменно нахмурилась.

Ну, Айло, змей подзаборный... Мог же и Райдену репутацию испортить...

– Думаю, он знал Эйрина. Или заметил, как ты на Нитиса посмотрела, – брат весело подмигнул. – Танар его тоже терпеть не может, а вынужден.

Я торопливо отвела глаза, но поздно. Заметил.

– Ясь, держи себя в руках, – серьезно попросил Райден. – Не подставляй меня, хорошо?

– Угу.

Да, глупости делать не буду. Ибо «прилипал» на подлого двуликого спускать – детские шалости. А я уже выросла из коротких штанишек. И месть обдумаю серьезно, чтобы не вышло, как с вызовом Синтара.

Мы остановились у серой палатки, и Райден, покосившись на меня, неожиданно смущенно сказал:

– Яськ, я всё хотел тебя познакомить...

– ...с невестой? – рассеянно уточнила я, размышляя о сво-

ем. – Да, знаю, Айло разболтал. Познакомишь. Только не сегодня.

Как же Нитиса-то прижать быстро, пока не удрал... А с него станется сбежать: вор – существо трусливое. Даже когда оно наполовину сумеречное.

– Почему?

– А она здесь? – я отвлеклась от планов мести. – Нет, давай не сегодня. Я... не в голосе, – и попятилась. Да-да, я – вор...

– Ясь, да брось! Чего ты боишься-то?

– Да так, ничего...

Всё, наши пути окончательно расходятся... и скоро до меня уже не будет никакого дела. И добро пожаловать во взрослую жизнь. Свои дела, свои... семьи, новые пути и совсем другие заботы...

– Ты... ревнуешь? – спросил Райден осторожно.

Я глубоко вздохнула, набралась смелости, отвернулась и откровенно призналась:

– Да, было дело... Сначала ревновала к учебе и делам гильдии, потом – жутко – к Шхалару, а потом... Потом поняла, что это бессмысленно. Мы с тобой из разных миров: ты – сумрак и будущий глава рода, а я – вор, которого из этого рода пока не выгнали лишь чудом... Да и к роду я принадлежу только по браслету, не по крови. Знаешь, я всегда боролась – и порой нечестными способами – за каждый миг общения с тобой, но всё равно мы... слишком разные. Ты намного старше, давно стал взрослым и нашел свою дорогу,

а я... Всё у нас слишком разное. А теперь и жизнь разводит нас в разные стороны. Но ты всегда будешь мне другом и самым лучшим старшим братом. Прошное не стереть, а в нем ты по-своему любил меня и заботился, как никто другой, хотя знал, что я вам чужая. И я очень ценю это, Райден. Теперь – даже больше, чем прежде. И...

Он неожиданно сгреб меня в охапку, крепко обняв:

– Ясь, прости, я никогда не думал...

– И не надо. «Не думать» – это, наверно, семейное, – я тихо шмыгнула носом, улыбнулась и с напускным безразличием поинтересовалась: – И ты хочешь жениться?

– Особых возражений не имею, – брат пожал плечами.

– Но, Райден!... – я повернулась в его руках.

– Ясь, так надо, – он сжал мои плечи. – Это ты можешь брыкаться, сопротивляться и делать вид, что не имеешь к роду никакого отношения. А я не могу. Мне однажды придется его возглавить. А значит...

– ...надо чтить традиции, уходящие корнями в глубокий маразм наших прапрапра... – я скорчила рожицу.

– Верно. Но мне еще повезло, – и ухмыльнулся. – Меня не сунули, как тебя, в толпу запуганных, а разрешили выбрать.

Вот как... Конечно, только мне одной всегда... везет. А раз «разрешили выбрать», значит, уже было, из кого? Да, стоит лишь отлучиться из дома, как начинаются... чудеса.

– И кто она?

По разбитой физиономии брата расплылась странная

усмешка.

– Азгилия, Средний род Мглистых сумерек.

Я недоверчиво уставилась на Райдена:

– Что? Гиль? Это... это тощее бледное привидение?

Он весело хохотнул:

– А ты давно ее видела-то в последний раз?

Скажем прямо, очень давно. И кончилась последняя наша встреча весьма печально. Разумеется, не для меня. И коли наступило время вспомнить прошлое, то я вспомню. Как мы росли все вместе одной дружной толпой – дети трех мглистых родов. И чем больше нас в компании становилось – тем веселее. Пока Райден не подрос и не уехал в гильдию учиться, а мне без него стало... пусто. А следом уехали остальные братья, и я осталась совсем одна. И компания изменилась, а я в ней – среди обучающихся магов – чувствовала себя лишней и ненужной. У меня не нашлось с ними ни общих дел, ни общих тем.

Да, я злилась, ревновала, но своего добилась, отвадив от братьев лишних друзей-приятелей. Дольше всех держались Шхалар, который был мне не по зубам, и Гиль, которую почему-то было жалко. Может, потому что она одна в семье росла. А может, из-за ее вечно виноватого, извиняющегося и пришибленного вида. Но моя жалость сошла на нет, когда на празднике середины Пыльной луны она начала строить Райдену глазки. Я потерпела, посопела и сломалась. Гиль покинула праздник со слезами, в разодранном платье и с зелены-

ми пятнами на коже лица и рук. Больше она мне на глаза не попадалась, а Райден потом первый раз в жизни на меня наорал. Тогда – не помогло. А теперь... Оказывается, у меня есть совесть. От воспоминаний стало стыдно.

– Интересно, она сильно на меня злится? – тоскливо спросила в никуда.

– Не думаю, – брат рассмеялся, – смысл сердиться на...

– ...недоразумение? – дополнила я уныло. Вывернувшись из его обнимающих рук и попятилась: – Нет, ты не подумай ничего, но я не... – и повернулась, чтобы задать стрекоча, но... – Райден!.. Пусти! А ну, отпусти!..

– Гиль! – завопил он на всё ущелье, обхватив меня со спины и легко подняв в воздух.

– Пну же по больному! – я безуспешно пыталась извернуться. – Отпусти-и-и!.. – и сердито засучила ногами.

– Гиль! – надрывался Райден. – Мы здесь! Привел, как и обещал!

– Ах, обещал?.. А я?.. А мне сказать?.. – обиделась я. – Ра... – и замолчала, запнувшись и замерев.

Из-за палатки поспешно вышла совершенно незнакомая девушка. От бледного, тощего и пришибленного привидения не осталось и следа. Искрящие весельем голубые глаза и небрежно переброшенная через плечо толстая и пушистая темно-рыжая коса, ямочки на щеках и добрая улыбка, гордый разворот хрупких плеч и скрытое достоинство в каждом движении. Я насупилась, с досадой вспоминая о своем

багряном настроении и заплатанных Эйриновых штанах. Гадость сделала – гадостью в ответ и получила...

Гиль, придерживая длинную юбку вишневого платья, остановилась, не дойдя до нас несколько шагов, и ахнула:

– Райден!.. Кто тебя так?..

Брат поспешно выставил меня перед собой, удерживая за плечи:

– Это... Ясси.

Эй, это обвинение или знакомство?

Теперь она с не меньшим сочувствием смотрела уже на меня:

– Ясси? А тебя кто?..

– Собственная глупость, – признала мрачно.

Райден засмеялся. Гиль улыбнулась, запахиваясь от ветра в гильдейский сизый плащ, на высоком вороте которого я рассмотрела серебряную нашивку Среднего поколения магии мглистых сумерек. Уже?.. Она же меня старше ненамного, ей едва ли двадцать пять!.. А уже Среднее... Я шмыгнула носом и строго запретила себе завидовать. Каждому свое... Но в ответ на ее, кажется, искреннюю улыбку я едва смогла изобразить свою – кривую и полную досады.

– Пообедаем вместе? – предложила Гиль просто.

– Только быстро, еще работы навалом, – наконец вспомнил о насущном Райден. – Ясь, идем. Ты пробовала местное блюдо – триш-наш?

– Кого как? – переспросила я.

– Вот и узнаешь, – он обнял меня за плечи, вторую руку протянув Гиль.

Так, гордость, ты где? Выходи, мне без тебя никак...

Триш-наш понравился необычайно. Оказывается, это обычное мясо, приготовленное в горшочках с овощами и пряными травами, в меру острое и безмерно вкусное. После вечерней встряски я чувствовала себя неважно и есть с утра не хотела, а потом Райден потащил меня к главе похода, и я снова не успела перекусить. И теперь самозабвенно уплетала за обе щеки вторую порцию, с грустью размышляя о том, что третью, пожалуй, не осилю.

Мои спутники внимания на меня не обращали. Судя по мутным взглядам, они с головой ушли в мыслесвязь, а судя по довольным улыбкам, обсуждали что-то приятное. Я повертела в руках вилку и с сожалением опустила ее в горшочек. И на любимое развлечение – пугать магов во время мысленного разговора – не решилась. Не до меня им, и надобно с этим смириться... как бы обидно ни было. Хотя обидно было. Очень. Руки так и чесались гадость сделать. Или съесть.

Выудив кусочек мяса, я задумчиво окунула его в подливку и повозила по плошке. И вздохнула. Кому – любовь, а кому – решать загадки творца да выживать в этой малопонятной истории...

– Ясь, ты за что Нитиса невзлюбила?

Я рассеянно подняла взгляд на Райдена:

– А?..

– Чем тебе Нитис не угодил? – повторил он терпеливо, придвигая к себе кружку с чаем.

– Ай... – я скривилась. – Будь другом, не порти аппетит, а? – и мрачно зажевала мясо.

– А поподробней?

Вот настырный...

– Он стащил мою тему для работы на Младшее поколение, – ответила со вздохом, отлавливая в бульоне следующий кусок. – И с рук ему это не сойдет.

Райден помолчал, глядя мимо меня, и невинно осведомился:

– Пострадавших много будет?

Я поперхнулась непрожеванным куском и глянула сердито:

– Ты за кого меня принимаешь?

– Да так... – он улыбнулся. – Сватовство почему-то вспомнилось.

Я вернула ему хитрую улыбку:

– Не волнуйся, тебя не трону. И прибираться за мной, как раньше, не придется. Но этот двуликий слизняк попляшет... – и с ожесточением воткнула вилку в мясо, едва не расплескав бульон.

Брат хмыкнул многозначительно, а Гиль почему-то побледнела. Видимо, еще не поняла, что почти вошла в семью, а своих я не обижаю... до поры до времени. Я снова углуби-

лась в отлов мяса. Настроение стремительно поднималось к ясному небу. Кажется, дело вовсе не в знакомстве незапланированном, и не в Эйриновых штанах... Кажется, я давно вкусно не ела.

– Подождите-ка... – Райден, снова посмотрев мимо меня, встал и, обогнув стол, устремился к выходу.

Я обернулась. Брат уже у двери нагнал Шхалара, хлопнул его по плечу и о чем-то спросил. Или что-то сказал. Сумеречный в ответ рассеянно кивнул и быстро вышел наружу. Он что, обедал рядом? И без нас? Да что с ним творится-то?..

– Ничего не понимаю... – Райден вернулся за стол, сел и ссутулился. – Он сам на себя не похож с тех пор, как мы здесь.

Гиль облокотилась о стол и, грея в ладонях кружку, тихо предположила:

– Может, у него неприятности... личные?

– Вряд ли... – брат поморщился и тоже потянулся за чаем. – У него же нет ни друзей, ни родных... Никого, кроме нас.

Я в сомнении изучила пустой горшочек, не нашла ничего съедобного, вздохнула, посмотрела в окно и заметила:

– Наверно, он иссякает. Или перерождается.

А за окном шумела жизнь. Сквозь рваную дымку красного марева сновали люди, спеша по делам и оглашая узкую улицу то приветственными криками, то суматошной руганью. А в кабаке семь столиков, расставленных по кругу, пустова-

ло. Но с закатными сумерками, думается, здесь яблоку будет негде упасть, зато опустеют улицы и...

– Исыякает?

– Перерождается?

Я посмотрела на своих собеседников. На лицах – одинаковое выражение полнейшего недоумения. Я подняла брови:

– Вы что, ничего не знаете об источниках силы? Вы же маги.

– Мы практики, – заявили в один голос гордо.

Быстро же спелись...

– Ну и что? – возразила я. – А я... Да, я «свиточница» мшистая. Но это не мешает мне работать с потоками.

– Ясь, не томи, – попросил Райден, наклоняясь через стол. – Выкладывай, что знаешь.

– Источники магии не вечны, впрочем, как и всё в нашем мире, – я снова посмотрела в окно, наблюдая за серой кошкой, которая жалась к дальней стене дома и настороженно следила за ногами прохожих. – Со временем источники теряют свою силу и исыякают, чтобы однажды исчезнуть. А магическое место пусто не бывает... – я заинтересованно привстала, когда кошка попыталась атаковать неудобный ботинок.

– И?.. – спросил брат многозначительно.

Кошка увернулась от смачного пинка и с тихим мявом рванула вниз по улице. Я снова села и посмотрела на ребят.

– Если источник слабый, то он исыякает – высыхает, как

лужа под палящим солнцем, и исчезает бесследно. А если мощный, то остаточная магия места притянет новый поток силы – или того же порядка, что и бывший источник, или родственной. Уход старой силы и появление новой называют перерождением. И источник новой силы называют переродившимся.

Настырное животное, сделав круг по улице, снова вернулось на прежнее место. И зря, здесь столько народу скоро будет, что затопчут...

– Думаешь, и человека это касается? – Райден озадаченно потер синяк на скуле и скривился.

– Шхал – не только человек, – заметила я. – Он еще и источник. И живет по иным, чем обычные люди, законам мироздания и круговорота магии. И изменить этот порядок не способен никто. И если он начал иссякать или перерождаться, то...

Недосказанные слова повисли в воздухе. Иссякнет источник – исчезнет и его носитель, останется лишь пустая оболочка, которую быстро приберет к рукам жадная Вечность. Или – новая сила. А уцелеет ли при этом дух...

Райден опустил голову и задумчиво засопел.

– Извини, – добавила я тихо, – он тебе друг, но...

– А тебе? – брат проницательно взглянул на меня, и я невольно поежилась.

– А меня он с ума сводит, – призналась честно. – И я до сих пор не знаю, что лучше, – когда он рядом или когда...

подальше.

Райден улыбнулся и тоже посмотрел в окно, чтобы после одним глотком допить чай и встать из-за стола.

– Нет, найду его и поговорю. Снова. Нельзя его одного бросать. Гиль?

Гиль, давно выпавшая из нашего разговора, молча кивнула и тоже встала.

– Ясь?

– Не, я еще тут побуду, – и с вождением посмотрела на закрытые двери кухни, откуда сквозняк выносил умопомрачительные запахи триш-наша.

Брат хмыкнул, помогая Гиль надеть плащ:

– Смотри, не лопни.

– Ой, напугал рыбу водой, – я с удовольствием вытянула ноги.

– Мы всегда здесь обедаем и ужинаем, – тихо сказала Гиль. – На закате будем ждать. Придешь?

А вот манера ее общения не изменилась: по-прежнему тихо бурчит себе под нос, словно помешать боится, да молчит, не влезая в разговор...

– Если успею, то успею, – я полезла в сумку за сшивкой, – но запомню... И, Гиль, проследи, чтобы этот ненормальный подлечился, ладно? Мне в руки он не дается, змей. И нечего так улыбаться!.. – я сурово посмотрела на Райдена. – Видеть твою побитую физиономию не могу!

– А-а-а, стыдно? – весело фыркнул он, надевая куртку.

– Вот еще! Это же не я!.. Вернее... не совсем я.

– К ужину приведу его в порядок, – пообещала Гиль.

Дверь тихо скрипнула, закрываясь, и я снова уставилась в окно, наблюдая, как они рука об руку проходят неспешно по улице, ведущей к спуску в ущелье. Ну, хоть у кого-то жизнь складывается не так, как у меня... Тьфу, ветер... Только не расклеиваться... Хватит с меня тоски-печали. Пора за работу.

В горах темнеет быстро. Кажется, только что ярко-оранжевое солнце сияло над кромкой гор, раскрашивая угрюмое ущелье в оттенки темного золота, но прошло мгновение, и оно нырнуло в туманную дымку, а со скалистых вершин вниз пополз сумрак. И местность быстро погружалась во тьму, в которой гасли последние багряные всполохи, мерцающие на боках грозowych туч.

Я одиноко сидела на скальном выступе над ущельем. Ежилась на ветру, куталась в походное одеяло и размышляла о насущном. О том неизвестном, что здесь напряженно искали второй лунный сезон лучшие из лучших. В группу меня приняли лишь на словах, и в курс дела никто не ввел. Райден ограничился невнятными отговорками, а глава похода откровенно послал. Лишь Гиль, мимо проходя, шепнула, что они ничего толком не знают. Маги будоражат горы и роют носом землю, а искатели на пару с ворами шарахаются по округе и ждут, когда их «торкнет».

В итоге я пришла к однозначным выводам: здесь ищут то, что искать запрещено. Пользуясь, вероятно, пропажей правящих гильдиями верхушек. И, скорее всего, ради них. Судя по сплетням, которых я наслушалась, шныряя у палаток, исчезновения продолжались, а пропажи не находились. А напуганные и загнанные в угол люди способны пойти против установленных правил. Советы Старших избирались не только номинально, они являлись хранителями знаний, недоступных непосвященным. Вместе с ними гильдии теряли и прежнюю силу. И ради них готовы были нарушать любые запреты.

Я задумчиво посмотрела вниз. Мне тоже приходилось ждать этого загадочного «торкнет». И я неприкаянной тенью бродила по окрестностям в гордом одиночестве, хотя так и подмывало отловить брата и с пристрастием его допросить. О цели поисков. О пропажах в гильдии. О прабабушкиных видениях и предсказаниях. Но не складывалось. Райден был очень занят, а в краткие моменты встреч я не знала, с чего начать допрос, терялась и упускала возможность за возможностью. И оставалось только ждать.

И я ждала. И думала. О том странном, что нельзя искать. И о том, что подобные запрещенные для изучения области существовали повсеместно.

В горах Ярости на материке Второго обитала какая-то мерзость, перекрывающая любые перевалы и безвозвратно поглощающая любопытных смельчаков. На одном из остро-

вов Рассвета находилось Стылое озеро, всегда покрытое прозрачным голубым льдом и окруженное, даже в жару, снежными спиралевидными наростами. Побывавшие на озере смельчаки сначала рассказывали, что в его глубинах горят красные огни, после теряли память и вскоре загадочно умирали. А на острове Туманного архипелага со времен Изначальности находилось Хмарное болото. С виду – обычная топь: кочки, тухлая вода да плешивые кустики. Но те, кто вырывался из плена болотной хмари, завидовали мертвым. Свихнувшиеся «счастливчики» без умолку лопотали о жутких тварях, об ушедших в Вечность людях и, в конце концов, накладывали на себя руки.

Казалось, сама душа мира предупреждала – не подходите, не ищите, не трогайте и целее будете. И желающих исследовать опасные места находилось мало. Но они находились. Ибо легенды вещали об артефактах эпохи Великой – и созданных руками самой Великой, – что хранили эти страшные места. И всегда находились смельчаки, готовые рискнуть ради призрачных сокровищ. Находились – и пропадали бесследно.

Зябко съезжившись, я с опаской поглазела по сторонам. В сизом полумраке едва заметно чернели крутые склоны гор, и между ними мерцал многочисленными светляками походный городок искателей. Узкие и вытянутые тени палаток, снующие вдоль отвесной скалы, трепетали под резкими порывами ветра. Последний, сырой и холодный, срывал с гор-

ных выступов шелестящие камешки и доносил до меня эхо людских голосов.

Я плотнее закуталась в одеяло. Если верить легендам... то не стоит мне сидеть здесь одной. Да, шипастые твари до ущелья не добирались, но мало ли вокруг другой гадости?.. Но я вздыхала, смотрела вниз, мерзла, а уходить не торопилась. Ощущение опасности пока молчало, страх не высывал наружу нос, а значит, можно задержаться. Здесь, в тишине, насквозь пропитанной сыростью дождя, сумраком ночи и свистом ветра, очень хорошо думалось. Стоило закрыть глаза – и мысли текли ровным и спокойным потоком сознания. Чем я и пользовалась.

Итак. Возвращаясь к насущному. То бишь к опасным местам. Я долго рылась в собственных знаниях, но загадку ущелья пока не разгадала. Зато вспомнила еще об одной древней легенде – о блуждающих странностях. Испокон эпох так назывались природные образования или строения, которые всплывали в самых неожиданных местах и сулили беду. Таковым, например, было ущелье Обмана. С виду – обычное ущелье, но шаг в сторону – и путник летит в пропасть, шаг в другую – и на чью-нибудь макушку падает обломок скалы. И магия в таких местах не работала – ни порталы, ни заклятья. И, собрав кровавую жатву, ущелье перебиралось в другое место, кочуя с островов на материки и обратно, следуя ему одному известными путями.

Всего блуждающих странностей в мире было около десяти.

ти, и в них также запрещалось проводить поиски – дабы не губить народ почем зря. И одно я понимала – ущельем Обмана здесь и не пахнет, иначе группа не продержалась бы так долго. А что остается? Я задумчиво поправила одеяло и уткнулась подбородком в колени. Остаются Красное озеро, лес Сумрака, чертоги Сна, Воющая башня, Огненные топи, Гиблая деревня, Плавающее подземелье, Шепчущие пещеры и врата Неизбежности. И что именно скрывает ущелье... Я не знала. И боялась предположить. Потому как эти странности известны лишь благодаря немногим выжившим. А сколько людей сгинуло в безвестности – в поисках все тех же легендарных сокровищ? А сколько новых странностей было обнаружено, но осталось сокрыто туманом смертей?.. Вопросы без ответов.

Кстати, об ответах... Можно же пошурудить в головах искателей... Вдруг кто-то что-то знает, но молчит, ибо глава похода запретил распространяться?.. Почему запретил? А кто добровольно пойдет в руки Вечности ради тех, кого уже, вероятно, и на свете-то нет? Да, а вдруг есть знающие?.. Конечно, пропавших людей здесь не найдут, но если ищут именно их (или все же артефакты Великой), то... Ищут дорогу к Ариштанару. Или – первогород и есть та самая блуждающая странность, кто знает... И я готова поспорить на собственное наследство, что все гильдейские верхушки спят мирным сном – в пространственном «мешке», под крылом города-оберега. Но про странность надобно разузнать.

Свернув одеяло, я встала и ту же затянула шнуровку плаща. Туманные сумерки давно спустились с гор, и им на смену пришла ночная мгла. Я накинула на голову капюшон. Работа в группе и месть Нитису не отменяют основной задачи – поиска сундучков. Пора на охоту – за тайнописью искателей.

Выудив из потока нить захвата цели, я представила булыжник на мостовой, ухватила за него, переместилась на окраину города и огляделась в поисках жертвы, когда в висках предательски засвербела боль.

«Ясь, ты где? В городе или в лагере?».

– В городе, – буркнула, морщась.

Голоса при мыслесвязи у всех одинаковые – безжизненные, искаженные и далекие, словно горное эхо, но я давно навострилась определять личность говорившего по характерным очагам головной боли. Когда со мной связывался Айло, ныл лоб, когда Шхалар – затылок, зов мамы стучался в макушку, а Райдена – в виски. Не знаю, почему связь так проявляется... Вероятно, однажды я возьмусь за исследование этого случая.

«Танар рвет и мечет. Требуется результата и грозит всем страшной смертью. Не появляйся завтра в лагере раньше полудня, поняла? После обеда он уедет на пару дней в гильдию, и у нас будет время».

– Хорошо, – я растерянно моргнула. – Но я-то причем?..

«А на кого он понадеялся?».

– С твоей подачи, – я скривилась. Боль расходилась от

висков кругами воды, в которую швырнули камень.

«Если налетит и начнет орать – я буду рядом, только предупреди», – пообещал Райден.

– Угу... – в глазах потемнело, и я невольно присела на низкий парапет. – А теперь уйди, а?.. И в следующий раз пиши письма, я доступна для обычной связи.

«Извини», – покался брат.

Я перевела дух. Боль унялась, и вместо ее темноты меня вновь окружил магический туман. Сквозь багряную мглу темными силуэтами проступали дома и едва заметно мерцали огоньки уличных светяков. Так, мне к центральной улице – и в кабак... Я сползла с парапета, который отделял Клес-Леер от ущелья, и, сунув руки в карманы плаща, задумчиво побрела к кабаку. Сообщение Райдена, мягко говоря, не порадовало. Я же крайней, как всегда, окажусь, случись что... не так.

До кабака я не дошла. Едва обнаружила поворот, уводящий от парапета к центру города, как из-за него на меня выкатилось нечто темное, объемное и бесформенное. Вернее, не выкатилось. А скатилось. Клес-Леер был выстроен на неровном холме, и его многочисленные улочки от ущелья уводили вверх, а из города к парапету – соответственно, вниз. И некто, очень спешащий по делам, не рассчитал крутизну склона.

Я едва успела отпрянуть в сторону. Споткнулась о грубую брусчатку и шлепнулась на пятую точку, больно стук-

нувшись затылком о парапет. В голове взорвался комок света. Моргая, я уставилась на искрящийся туман, а рядом разразился цветастой бранью неизвестный, видимо, тоже близко познакомившись с парапетом. Принесла же нелегкая...

С некоторых пор лечебные зелья я всегда держала под рукой. И, молча поблагодарив себя за предусмотрительность, быстро нащупала в кармане сумки заветную бутылку. Мое сногшибательное несчастье, заткнувшись на середине очередного словесного оборота, тихо охнуло, натужно посопело, повозилось и... захрапело. Выпив лекарство и оклемавшись, я встала, оправила плащ и с любопытством посмотрела на неизвестного.

В дрожащем сиянии уличных светляков, снующих над парапетом, на брусчатке мостовой, раскинув руки-ноги и выпятив внушительное пузо, дрых искатель. Я присела на корточки, сквозь багряное марево изучая свою жертву. Немолодое лицо с сетью морщин, короткие темные волосы, залысины у висков, нос картошкой, длинные усы, дрожащие от мощного храпа. И – самое главное. На воротнике расстегнутого плаща мерцал большой серебряный узел – Среднее поколение. Мне повезло!

Я встала и потерла руки. Воровать мысли меня никто не учил, но я много об этом читала и наблюдала за тренировками учеников в ступени. А применить на практике не так уж и сложно. Куда сложнее красть душу или силу. Кстати, по одной из легенд, именно так появились первые двуликие и

Перекрестки. Природа предопределила для каждого человека один путь, но воры, достигая высшего порога мастерства, наловчились красть чужую силу, становясь сначала двуликими, а потом и Перекрестками. О том, что случалось с обворованными людьми, легенды умалчивают, зато утверждают, что украденные способности навсегда оставались при ворах и после передавались их потомкам. И, вероятно, в этом есть своя доля истины.

Нащупав нужный поток, я пустила его в полет, и тонкая пористая нить, помедлив, обвила голову спящего искателя, от подбородка до лба, натянулась и медленно начала таять, пробираясь под кожу. Незнакомец конвульсивно дернулся, и нить натянулась, предательски дрогнув. Я выпустила вторую, проворно нырнувшую в приоткрытый рот. Искатель невнятно выругался, замолчал и прекратил сопротивление. И я позволила своему сознанию покинуть тело, следуя за первой нитью в глубины памяти.

Сначала погружение в чужой разум неприятно. В ушах звучат знакомые голоса, перед глазами проносятся осколки лиц и обрывки знакомых картин. Словно засыпаешь в беспокойстве и, нервно ворочаясь с боку на бок, то погружаешься в дрему, то выныриваешь на поверхность меж сном и явью, и эти метания, порождая вереницы картин, меняют их с сумасшедшей быстротой. И тьма стирает чужие лица, растворяется в ярком свете, озаряющем склоны гор, на которых сначала появляются странные надписи корявым почерком —

и чей-то голос громко читает их вслух, добавляя про себя несколько слов. А после горы проваливаются под землю, и ты – вместе с ними. И уже сидишь за столом и читаешь чужими глазами странные свитки или пишешь чужой рукой, переживая те же чувства, которые некогда переживал владелец воспоминаний. И так – до бесконечности.

Воры мастеровитые, говорят, могут сразу находить в чужой памяти нужное, забирать и сбегать, но я так не умела. У меня едва получалось задавать нитям поиска цель. К тому же я боялась не рассчитать силу и прихватить с собой часть чужой памяти. У меня же все... не так. А случаи двойных краж, когда одна – целенаправленная, а вторая – случайная, – не редкость среди новичков. Очень сложно искать конкретную цель, когда на тебя обрушивается мощь чужого разума. Поэтому я предпочитала находить нужное и запоминать.

Тайнописей я нашла аж семь штук. Искатель, похоже, не один сезон провел в хранилищах, и нить поиска привела меня в подобие узкой длинной башни, битком набитой знаниями. Привела, пометалась обреченно меж бесконечных полок и сникла. Пришлось изучать горы свитков и сшивок. Перед моим мысленным взором мелькали схемы и планы незнакомых строений, любовные письма, заметки-закорючки и много чего еще. Я в подробности не вникала. Перебрала листы, отметила нужное и с облегчением покинула чужой разум. Ухватилась за вторую нить и вернулась.

Смотав нити, я села на парапет и несколько долгих мгно-

вений приходила в себя. Нет, точно, словно лишнюю жизнь проживаешь... Перед глазами еще долго мельтешили пятна чужих лиц, а в ушах звучали десятки слитых в единый гул голосов. А искатель продолжать храпеть, как ни в чем не бывало. Кстати, надо бы его определить куда-нибудь, не бросать же здесь...

Придя в себя, я вытащила из поясного кармана заветное, прочитала заклинание и попросила:

– Энс? Эмс? Ребят, помощь нужна!

– Убить кого? – высунулась из портала одна рыжая макушка.

– Или так, поржать? – поинтересовался второй, отпихивая братца.

– Нет, человека одного доставить в лагерь, – и я указала на искателя.

– Фу-у-у! – заныли дружно оба.

Тот продолжил заливисто храпеть на всю улицу.

– Слышь, радужная, – первый братец глянул на меня с подозрением, – а ты после своих грязных делишек следы-то заметаешь?

Я невольно посмотрела на нити поиска цели, которые по-прежнему сжимала в кулаке. Тьфу, постоянно забываю... Заклятья практикантов заматания следов не требуют, они столь слабы, что сразу распадаются после использования. А все, что сильнее, – то требует. Я быстро вытянула использованные нити, наматывая их на руку, резко оторвала от потока и

пустила по ветру.

– Так-то лучше, – дружно одобрили братцы.

Я устало улыбнулась в ответ. Пожалуй, мне пора спать...

– А этого куда нести-то?

Обернувшись к ущелью, я махнула рукой на огни лагеря:

– Туда. И лучше бы вам невидимками стать. Заметят незнакомцев, пристанут с вопросами...

Близнецы дружно кивнули, перемахнули через парапет и плавно устремились вниз. Я посмотрела им вслед и фыркнула. Рыжие-то невидимками стали, а вот искатель – нет. И тучное тело, покачиваясь, летело по воздуху под чужое недружелюбное сопение и собственный храп, а по его пятам важно следовала внушительная сумка.

Улыбаясь, я сползла с парапета и под накрапывающим дождем поплелась к своему постоялому двору. Итого – двенадцать искательских тайнописей. Для ключа хватит. И с утра им займусь, раз в лагере меня не ждут. А где ключ – там и разгаданный символ, и название местности, и третий сундучок. И еще один шаг к завершению «прадедовых» дел.

Накинув капюшон, я сунула руки в карманы плаща, нащупав сферу с Зякой. Эйрин посоветовал подержать его в спячке подольше, а в идеале крылан должен проснуться сам. И пусть отдыхает. И Эйрин, похоже, тоже ушел в глубокую спячку – давно не отзывается на мои оклики и молчит подозрительно. Да и ладно: меньше от него узнаю – меньше путаюсь. А ключ из искательских тайнописей собираю – смогу

двигаться дальше.

Устала топтаться здесь в вечно багряном настроении и в глупом ожидании того, когда меня наконец «торкнет».

Следующий день начался с неожиданностей. Да, стоит заранее расписать план действий, и он обязательно пойдет прахом – отрезая пути к намеченным целям и вынуждая отказываться от задуманного, полагаться на шаткую спонтанность. И начался странный день ночью.

Обняв подушку, я досматривала глупый сон. Прыгая по поляне, я ловила разноцветные символы, найденные недавно в подземье башни. И настойчиво пыталась вывести из их переплетения ключ к тайнописи искателей, но символы то таяли в воздухе, то выскальзывали из моих рук. Я разочарованно ругалась, но попыток не оставляла. И когда в моих руках оказался зеленый треугольник, пронзенный молнией, меня... окликнули. В тихом шорохе ветвей, перебираемых ветром, в шелесте травы и шепоте дождя так явственно звучало мое имя, что я выронила свою добычу, обернулась и... проснулась.

Сев на постели, я недоуменно уставилась в окно. По стеклу струились мутные потоки воды, над крышами гуляли отголоски грома. По ощущениям – середина ночи. И ничего необычного. Я улеглась, снова обняла подушку и закрыла глаза. И, проваливаясь в вязкую дремоту, вновь *услышала*. Дождевые капли стучались в крышу, бились в окно и... го-

ворили. Окликали. Звали по имени. Я опять села, держа в руках подушку, и посмотрела в окно. Ветер размазывал по темному стеклу дождевые струи, и водяные разводы складывались в буквы, а буквы – в слово. «Ясмили́на». В мое имя. А после буквы свились в изображение радуги – в мой родовой символ с браслета, о котором знала только семья.

Завернувшись в одеяло, я сползла с постели и нерешительно подошла к окну. Дождь лил как из ведра. Мелькнул седой отблеск молнии, и сонную тишину разорвал громовой раскат. И завозился над крышей ветер, влажным сквозняком просачиваясь в щели, снова и снова повторяя как зачарованный свистящее «Яс-с-с-с...». И всё мое существо, вздрогнув, потянулось за ветром, за его зовом. И перед закрытыми глазами промелькнули расплывчатые картины – ущелье, толща серой скалы, переходы и лабиринты, спутанные в тугой узел подземелья...

Закрыв глаза, я упивалась неожиданной силой зова. И снова слышала только ветер, смотрела на мир его глазами. А он манил, уводя за собой, обещая новые знания и разгадки старых секретов. И картины... может, это и есть язык ветра? Он, говоря, показывает?.. А я... я его понимаю. И если разберусь в тайнописи Изначальности, то смогу... управлять собственным зовом, задавать вопросы и получать ответы?.. Ведь я уже его понимаю, надо лишь узнать, понимает ли он меня... И нужна тайнопись Изначальности – первая, из которой и появились ремесленно-магические. От ветвей

– к корню, а половину «кроны» я так «случайно» нашла в подземье башни...

Я едва не поддалась зову, едва не позволила себе унести прочь... Отвлек глухой шум снаружи. Здание постоянного двора вздрогнуло, затрещали жалобно деревянные балки потолка. И зов ветра недовольно зашумел, затихая. Я разочарованно нахмурилась. Пойду-ка я отсюда... Кто знает, что разбудили маги, ломая скалы...

Переодеться и собрать сумку – дело нескольких мгновений. Наклонившись к рукомойнику, я плеснула в лицо ледяной водой, прогоняя остатки сна. Судя по сгустившимся темным сумеркам, до рассвета еще далеко... В коридоре заголосили разбуженные постояльцы, по прогнувшемуся потолку разбежались хвосты трещин. Пора убираться на окраину, подальше от растревоженного ущелья...

Я завернулась в плащ, перекинула через плечо сумку и порталом завещания переместилась в ту чайную, где недавно пряталась от магической бури. И нос к носу столкнулась с неожиданным припозднившимся посетителем.

– О, Шхал... – я растерянно моргнула. – А что ты здесь делаешь? И почему не в ущелье?

– А ты? – хмуро буркнул сумеречный, созерцая размазанные по стеклу потоки дождя.

– Жду зова, – я решила не навязываться и положила сумку на соседний столик.

Он промолчал, по-прежнему таращась в окно и, судя

по отсутствующему взгляду, пребывая в своем собственном «нигде». И пускай там остается, мне же проще... Больше, кроме нас, здесь никого нет, отголоски магических опытов почти не беспокоят, значит можно подумать. Вернее, кое-что проверить.

Я сняла плащ, села к Шхалару спиной и выудила из сумки сшивку. Неважно мы с ним расстались в прошлый раз, и сейчас неважно встретились... Всё как обычно. Кроме того, что защиты в девять шагов между нами как не было со времен пустоши, так и нет. Куда исчезла?.. А ведь должна быть. Райден – и тот под защитой. Или Шхалар, во избежание известных неприятностей, тоже перешел на амулеты, сняв с ауры природную защиту от воров?..

Развернув сшивку, я перебрала вложенные в нее листы. И, кожей чувствуя нервирующее сумеречное присутствие, поняла, что, несмотря на недавнее спасение, я ни о чем не забыла и ничего не простила. Не забыла о помощи в нахождении потоков и не простила подставу с упущенной темой. И одно никак не могло перевесить другое, оставляя меня в положении выбора. А значит, общение опять будет зависеть от его поступков и отношения ко мне. Начнет издеваться – ошечинюсь, решит помочь – снова глупо влюблюсь. Я рядом с ним – как зеркало, и наши «отражающие» отношения сложились изначально и тянутся всю жизнь. Я нахмурилась. Не о том думаю... Так, где-то здесь должен быть свиток с моим предсказанием...

Предсказание издавна было частью работы. Перед началом серьезных дел люди хотели знать, что их ждет. И когда артефактологи придумали свитки предсказаний, ими начали пользоваться повсеместно. Вот и я сразу же после разговора с главой похода получила свой свиток, но пока он упорно молчал. Я по пять раз на дню разворачивала его, но видела лишь сухую желтизну пустого листа. Но раз меня наконец «торкнуло», может, и предсказание появится?..

Я раскрыла сшивку там, где лежал свиток, мельком глянула на тайнописи башни, и осторожно развернула свое предсказание. Ничего... Опять. Положила свиток на стол, достала из сумки кружку и глотнула чая. До зова я чем-то полезным заняться собиралась... Вытянула ноги, откинулась на спинку стула и задумчиво уставилась в потолок. Гром гремел не переставая, заглушая шорох дождя, и эхом проносился над ущельем. Так, если не обращать внимания на сумеречного, который привычно нервировал своим присутствием, то...

От легкого дуновения ветра качнулись пучки трав, и на потолке появилось размытое пятно света. Я поспешно выпрямилась. Свиток с предсказанием мерцал седым лунным светом, и по листу с тихим шуршанием струилась вязь слов. То, что открывает магия артефактологов, всегда сбывается... Я расправила мятые уголки свитка, вчитываясь в написанное.

Время застынет в осколках сна.

*Мир измеряя размахом крыльев,
Трудно и больно забыть себя
И из легенды воспрянуть былью.
...Там, где становятся явью мечты,
Вспыхнут огни.*

Я хмыкнула. Заманчивое место... Там, где сбываются мечты и оживают легенды... Надеюсь, это не об Ариштанаре сказано... И снова углубилась в чтение, с трудом разбирая корявый почерк неизвестного писца.

*С кровью туман. И загадок цепь
Тропкой под ноги ложится тонкой.
Там, где рассудок бывает слеп,
Силою веры крыла наполни.
...Там, где возврат не замел следы,
Вспыхнут огни.*

Опять огни какие-то... И туман кровавый, местный... Кажется, не зря мне настроение крови померещилось, тьфу-тьфу-тьфу... Так, что там дальше?

*С кровью луна. И уходит в сон
То, что питало основы власти,
Ветер рвет душу стальным клинком
И по живому кроит на части.
...Там, где затихнут мертвых шаги,
Вспыхнут огни.*

Не нравится мне все это. Очень не нравится... Я потеряла край свитка, уцепившись за одну фразу. «То, что пита-

ло основы власти...». Кажется, она может ответить на важный вопрос, если я сумею его верно сформулировать... Положив свиток на стол и свернув верхушку листа, я продолжила чтение.

*С кровью закат. И дорога ждет.
Снова тонуть в бесконечно-алом.
Мрачная тяжесть чужих оков
Жизнью и смертью недаром станет.
...Там, где ветрам удалось пройти,
Вспыхнут огни.*

Ой, не люблю я такие намеки, особенно если они связаны с очевидными событиями... «Там, где ветрам удалось, пройти» – это точно Ариштанар, через который прошел Эйрин, разбудив первогород. И огни, опять огни...

*С кровью глаза. Одиночкой быть.
И за себя неустанно драться.
Там, где надежды порвется нить,
Вере позволить внутри остаться.
...Там, где сумеешь себя спасти,
Вспыхнут огни.*

Перечитывая отдельные фразы, я попыталась вникнуть в их загадочный смысл. Почти ничего не поняла, расстроилась, шмыгнула носом, потянулась за кружкой, отвлеклась и только тогда заметила – читала я не одна. Шхалар, подкравшись и незаметно склонившись над моим левым плечом, переводил задумчивый взгляд со свитка на сшивку и обратно.

Я не придумала ничего лучше, кроме как спросить:

– Понял хоть что-нибудь?

Он нахмурился, и вместо ответа я услышала вопрос:

– Где ты это взяла? – и он выразительно кивнул на сшивку.

– В наследство же досталось... – отозвалась удивленно.

– Я имею в виду символы, – Шхалар склонился ниже, опершись рукой о стол, всматриваясь в мои каракули. Холодное дыхание коснулось моей щеки. Холодное?.. Нет, ледяное.

– В башне на окраине. Ну, там где... – я запнулась.

В сизых глазах разгорался странный огонь. Казалось, он видит сшивку насквозь и читает все скрытые записи. Зачем? Да кто ж его разберет... Я отвернулась, чувствуя себя неуютно и краем глаза отмечая снующие по листам сизые искры. Каким же жутким холодом от него тянет...

– Ты понимаешь, что это за находка? – вопрос застал врасплох.

– Думаю, да, – ответила осторожно.

– Я понятия не имею, о чем ты думаешь, Яссмилина, – сухо заметил сумеречный, – и твои мысли читать не умею.

Я насупилась и тихо пояснила:

– Это тайнопись Изначальности. Сама первая, придуманная ремесленниками, своя для каждого пути, – и покосилась на него мельком.

И вздрогнула невольно. Шхалар выглядел... жутко. Из ввалившихся глаз струилась вязкая, темно-сизая мгла, кожа

казалась тонкой и прозрачной, обтягивая заострившиеся кости черепа, плащ болтался на отощавшей фигуре. И вновь потянуло липким холодом. Я едва удержалась от желания отодвинуться, особенно когда рядом со мной побарабанили задумчиво о стол пальцы... скелета. Забери меня Вечность, если это перерождение...

Я собралась с духом и прямо спросила:

– Значит, иссякаешь?..

– Что, так заметно? – криво усмехнулся он.

– В зеркало глянь, – я нервно сглотнула, стараясь незаметно отодвинуться.

Он отвернулся, ссутулился и встряхнулся, как выбравшийся из воды пес. Во все стороны полетели рваные клочья мглистого тумана. Я живо сползла под стол, прячась от ошметков магии. Мало ли... А Шхалар, вернувшись в привычный облик, тяжело оперся руками о спинку стула. Я осторожно высунулась из своего убежища. И всё как всегда, только в непроницаемых прежде глазах затаилась дикая усталость.

– Значит, иссякаешь... – мой голос предательски дрогнул.

– Это неизбежно, – сумеречный отстраненно смотрел в окно на причудливые водяные узоры.

– А как же... – я замялась, подбирая слова. – А мы как?..

Каким станет мир, если Шхал из него уйдет? Я не знала... и не хотела узнавать. Но от понимания стало грустно... и больно. Казалось, моей голове больше не о чем болеть, хватает хлопот с Эйриновыми загадками, Ариштанаром да опас-

ностью, нависшей над родом, но...

– Не переживай, – небрежно отмахнулся Шхалар, – ты одна не останешься. Всегда найдется тот, кто будет тебя вырывать. Те же рыжие помогут или твой раскроенный. Или думать наконец начнешь.

А вот назло тебе возьму и не обижусь...

– Ой, дура-а-ак, – протянула я и отодвинула стул, выбираясь из-под стола. – Я же не поэтому... Ты же не чужой мне... И нам всем. Ты же часть семьи давно. И как не переживать, когда с тобой *такое* происходит?..

Одно мгновение глаза в глаза, и сумеречный улыбнулся. Едва заметно, уголками губ, но улыбка прогнала из его глаз усталость. Он отодвинул стул и сел, снова уставившись на листы сшивки. Я тоже села. И, помедлив, осторожно спросила:

– А ты знаешь, что делать? Можно это перебороть?.. Можно же не иссякнуть, а переродиться...

– Можно, – кивнул Шхалар, – и я об этом думал. И недавно связался с гильдией тьмы и жду от них ответа. Последний человек-источник был магом мрака, а темные – запасливые и умеют хранить знания. Наверняка у них есть нужные сведения.

– Но, Шхал... – я запнулась. – Темные... Они же ничего просто так не делают. Они же такую цену запросят, что ты всю оставшуюся жизнь на них пахать будешь.

– Значит, буду, – отрезал он.

За окном сверкнуло, и сердито пророкотал гром. Гроза не утихала, похоже, собираясь утопить и городок, и ущелье в мутных потоках бесконечного дождя. Я прислушалась к шороху водяных струй, невидяще посмотрела на стол и... вспомнила. Как же неожиданно судьба иногда переплетает чужие пути, не устаю этому удивляться...

– А я могу помочь, – и улыбнулась. – Близнецы рыжие, мои духи, – они же прямые потомки последнего темного источника. Помнишь, в пустоши они тебя обсуждали и сказали, что их отец был тем самым источником? Хочешь, я вас познакомлю?

– Это те двое, с холма? – уточнил сумеречный, глянув на меня искоса.

– Да, они самые.

Шхалар откинулся на спинку стула и скрестил руки на груди. Помолчал, прикрыл сизые глаза и пробормотал:

– Потом. Ты чем-то заняться хотела? Мешать не буду.

Я кивнула. Потом – так потом... И сосредоточилась на деле. Перечитала предсказание, потеряла кончик носа, но опять отвлекалась от насущного. На сей раз – услышав ветер. Он вернулся. Настоячиво постучался в дверь, предлагая выйти, уводя за собой. Я привычно сунула сшивку и кружку в поясной карман и решительно встала, направившись к двери.

– Ясмилина, ты куда?

Я распахнула дверь. Ледяная морось, растворенная в порывах шквального ветра, ударила в лицо, и запах влажной

свежести после духоты чайной вскружил голову, а зов явственное зазвучал в ушах.

– Яссмилина!

– Он зовет, – ответила тихо, цепляясь за дверную ручку. – Шхал, он так зовет... Я пойду.

И мощный порыв подхватил меня, унося вдаль – туда, где чернели неприступные скалы ущелья, а я растворилась в потоке ветра, сливаясь с ним, становясь единым целым. Проходя там, где не пройти обычному человеку. Проскальзывая воздушной змейкой в мелкие скальные трещины. Стремясь увидеть то, что хотел показать ветер. И единственное, что смущало, – это непривычная тяжесть, замедляющая полет и стесняющая движение.

Этот зов ветра разительно отличался от двух предыдущих. Прежние порывы больше напоминали сон, а вот нынешний был более чем реальным. Я остро чувствовала всё, что со мной происходило. Слышала свист ветра в ушах, когда пролетала над ущельем. Ощущала холод дождя на коже, ледяную сырость темного неба и колючую шероховатость скал. И сама себе напоминала крошечное насекомое, подхваченное буйным порывом и следующее за ним туда, куда судьба приведет. И за несколько мгновений так срослась с потоком ветра, что не сразу поняла, когда успела его покинуть и снова стать собой.

Вот меня и «торкнуло»...

Села я не без труда и отплеываясь. На губах сухой коркой спеклась грязь. Тело с непривычки сковывала тяжесть, одежда промокла насквозь и неприятно холодила кожу, в глаза и уши набилась мелкая пыль. Чихнув, я протерла глаза и моргнула. Глаза слезились, и, лишь следуя ощущениям, я сообразила, что занесло меня... в помещение. Сухой и спертый воздух, тепло и тихо. Очень тихо. Как в семейном склепе. И пока молчит ощущение опасности. Значит ли это, что ветер принес меня туда, куда хотел? И что именно мне здесь необходимо найти?

Вопросы в пустоте...

На ощупь открыв клапан сумки, я достала носовой платок и прочистила от пыли глаза. Зов вора отличается парой неприятных особенностей. Если он настигает – от него не спрятаться и не укрыться, будет преследовать и сбивать с пути, а если ему поддаться – то, пока не выполнишь требуемое, назад к обычной жизни не вернешься. Это своего рода плата. Я поморгала и достала второй носовой платок, вытирая лицо и уши. И теперь мне необходимо понять, что именно я должна здесь найти. Иначе окажусь в западне без выхода. Ветер не выпустит меня наружу, пока я не принесу то, что он хочет отдать миру.

Чихнув в платок, я высморкалась, свернула использованные тряпки и огляделась. И беглый осмотр ввел меня в ступор, закончившийся резонным:

– Ты как сюда попал, ненормальный?!

Сумеречный, совершенно сухой и чистый, в отличие от меня, подпирал стену узкого коридора и отрешенно таращился на противоположную. Пока я не заговорила. И задушевной беседы в чайной – как не бывало, все встало на свои места. С недовольной небритой физиономии на меня угрюмо посмотрели сизые глаза, и с прежней надменностью сумеречный изрек:

– Я – источник, и для меня нет ничего невозможного.

– Ты болван!.. – не сдержалась я. – Ты что, за меня уцепился?! Ты же... Ты всё испортил! У меня же зов ветра слабый, я ведь только практикант!.. Я себя-то едва ли до цели бы дотащила, а ты... Ты тяжелый! У меня нет сил тащить нас обоих! И теперь мы застряли где-то на середине пути, а зов пропал! И кто мне скажет – мы на месте или на полпути застряли? Ты скажешь, источник подзаборный, а? Ну скажи, раз умный такой!..

Он гордо промолчал, стряхивая с рукава куртки несуществующие пылинки, а я продолжала раздраженно шипеть, выжимая мокрые волосы:

– Чего молчишь? Порыв оборвался, а до цели я так и не добралась! И где искать то, зачем ветер сюда меня позвал? Где? Я ведь даже не знаю, куда нас занесло!..

Так он и признается, что сглупил, ага... Конечно, продолжал гордо молчать и делать вид, что я одна во всём виновата. Я поворчала, выдохлась и закончила усталым:

– Шхал, ты... Ты недоразумение.

– Я знаю, куда мы попали, – сообщил сумеречный спокойно.

– Да? – я фыркнула. – Ну-ну... Ну, скажи! Нет, отвернись сначала... – мне нужно собраться с мыслями... Мне очень нужно собраться с мыслями!

В мокрой одежде я чувствовала себя крайне неудобно. Скинула на пол грязный плащ и разулась. Сунула руку в сумку и тихо помянула ветер. Там, где в обычное время в пустоте сами собой находились нужные вещи, рука нащупала обычное тканевое дно. Я обшарила все углы, но...

– Здесь не работают порталы.

– Без тебя знаю, – огорченно огрызнулась я.

– И магия.

– И твоя? – я резко обернулась.

Шхалар и не думал отворачиваться, по-прежнему плясая на гладкую, мерцающую серебристым светом стену.

– И моя. Но не целиком. На три-четыре заклятья запасов силы хватит, – и многозначительно замолчал.

Я невольно опустила руку в поток, нащупала переплетение нитей и довольно улыбнулась:

– А моя – при мне.

– Временно. Пока не оборвалась связь с миром, а оборвется она скоро. И останется лишь то, что привело тебя сюда. Воровской ветер.

Я невольно поежилась. Значит, блуждающая странность... Понять бы только, какая.

– Отвернись!

Так, прежде чем лезть в неприятности, надо бы разобраться с тем, что мы имеем... Кружка и сшивка – в поясном кармане, а карман – это не портал в хранилище, как сумка... Нашупав в кармане искомое, я перевела дух. Заодно обнаружила несколько яблок и бубликов. Вот привычка... В ступени я в общей столовой не питалась, поэтому с вечера покупала на завтрак продукты, которые не всегда съедала. И хорошо. Следом за бубликами нашлось и несколько бутылей с зельями. Отлично. Пару дней протянем. И, надеюсь, у Шхалара, как у приличного путешественника, тоже при себе запасы имеются.

Сумеречный наконец соизволил отвернуться, и я кое-как выжала мокрые тунику, рубаху и штаны. Плащ, подумав, свернула комком и уложила в пустую сумку. Расчесала пятерней свое багряное настроение и скрутила тугую косу. Обула мокрые сапожки. Мерзко... Перекинула через плечо сумку и внимательнейшим образом изучила коридор. Светящиеся стены без следов кладки и потолок, уходящий на недостижимую высоту. Справа, в двух шагах от нас, – поворот, слева – длинный открытый путь вперед. И ничего примечательного.

– Молчи, – я подняла руку, когда Шхалар собрался обозначить место нашего положения. – Не говори. Я сама хочу понять.

– Не поймешь, – пренебрежительно хмыкнул он.

– Спорим? – я вдохновенно улыбнулась.

– На твое наследство? – уточнил сумеречный насмешливо.

– С моей стороны. А с твоей – на тайнописи мглистых су-
мерек, – решительно согласилась я. – Что? Мне для выпуск-
ной работы надо. А я пока штук пять всего знаю, из тех, что
в хранилище рода были. Идет?

– Идет, – кивнул он.

– Отлично, – я быстро прикинула направление поисков. –
За дело.

И бодро устремилась к повороту. Чтобы споткнуться, ко-
гда Шхалар удержал меня за плечо:

– Беспечность однажды тебя погубит. Ты не знаешь мест-
ность, но несешься вперед сломя голову? А если за этим по-
воротом опасность?

– А ты мне тогда на кой? – заявила янагло, расправляя
ворот рубахи.

Шхалар сухо кашлянул и поджал губы. Я весело ему под-
мигнула и продолжила путь. А за моей спиной уже распуска-
лись радужные крылья. Мой первый настоящий зов – и сразу
блуждающая странность, место, откуда не возвращаются...
Не возвращаются те, кто искал встречи нарочно, но не те,
кого странность позвала. Необходимые ей люди всегда воз-
вращались. И я вернусь, прежде окунувшись в легенду.

После чужих «надо» я наконец-то смогу отдохнуть от то-
го, что кому-то должна...

Однообразный коридор каждые десять шагов сворачивал вправо. Я шла вперед, считая повороты. Мокрая одежда противно липла к телу, вода мерзко хлюпала в сапогах. Шхалар бесшумно следовал позади, не вмешиваясь. И правильно делал. Мой зов – моя странность – мое приключение – не его дело! И как он вернется – это не...

Сердце предательски екнуло. Его же не *звали*, как он вернется назад?... Я невольно замерла у очередного поворота, и сумеречный едва не сбил меня с ног. И раз мы вместе здесь оказались – то нам обоим путь назад может быть закрыт... Но права ли я в своих предположениях – покажет лишь время.

– Идешь дальше или нет? – он поднял брови.

– Ты что, не мог выбрать более приятный способ покончить с жизнью, раз надоела? – я резко обернулась. – И это твоя беспечность однажды тебя погубит! Не подумал, что можешь остаться здесь навсегда?

– Но я же... – завел знакомую песню Шхалар, но не договорил.

Я грязно выругалась и поспешила вперед. Источник он!.. Всесильный и пустоголовый!

– Там, где есть вход, всегда найдется и выход, – заметил он вполголоса.

– У меня нет сил тащить обратно еще и тебя! – огрызнулась в сердцах. – Ветер, как же я ненавижу это твое «я источник!», – передразнила его злобно, – и твою дурную источни-

ковую натуру! И всю твою проклятую силу!..

— ...которой хватит, чтобы пробить дверь там, где ее нет, — мягко перебил сумеречный.

Я на ходу обернулась через плечо. В его глазах опять разгоралось нездоровое сизое пламя, придавая бледному лицу жутковатое выражение. Я быстро отвернулась, ускорив шаг.

— Но твое беспокойство приятно.

Промолчала в ответ. У меня пропал дар речи. За очередным поворотом я замерла, затаив дыхание. Вот оно — одно из древнейших чудес нашего мира... Светящийся коридор, теперь необъятно широкий, тянулся на сотни шагов вперед, упираясь в круглые серебристые створки гигантских врат. Вдоль их краев, от наверхия вниз, струились две вязи черных символов-надписей. А под дверными ручками зияли круглые отверстия для ключей, которых у нас не было. Зато нашлись охранители врат. Два гиганта, подобных Гранитному исполину, стояли с двух сторон от входа.

Я уставилась на них во все глаза. Каменные изваяния стражей выглядели поразительно натурально. Кажется, налети ветер — и длинные складки плащей взметнутся под его порывом, подметая мерцающий пол. Кажется, подойди ближе — и закрытые глаза распахнутся, вперив в нарушителя покоя грозный взор. Кажется, произнеси нужные слова — и каменные ладони, лежащие на дверных ручках, дрогнут, отворяя створки. Но пока их покой никто не тревожил, стражи спали. Складки капюшонов прятали черты лиц, откры-

вая испещренные морщинами закрытые веки. Значит, спящие стражи... Спящие. Хм. Спящие...

Склонив голову набок, я искала подсказку. Одна рука стража теряется в складках плаща, вторая – покоится на дверной ручке. Ничего примечательного, кроме закрытых глаз. И надписи на створках. Я смогу ее разобрать – наречие мне знакомо, но есть одно «но». Одна буква в надписи – больше нас со Шхаларом вместе взятых. Прочитать целиком не получится.

– Надо отойти подальше... – пробормотала себе под нос.

– Куда? – хмыкнул сумеречный.

Я невольно оглянулась. Коридор исчез. На его месте – сплошное сияние стены. Отрезанный путь назад и неизвестный путь вперед. Здорово.

– Ладно, отсюда попробую надпись разобрать...

– Разбери, – согласился Шхалар и, обойдя меня, продолжил путь.

– Эй! А я?.. – возмутилась. – Подожди!

И поспешила следом. И чем ближе подходила, тем меньше становился круг врат. Настолько, что на подходе к ним я смогла разобрать отдельные слова. Морок какой-то? Я задумчиво нахмурилась. Морок... И вспомнила. Обман зрения – заклятье светлых сумерек. Ныне утраченное. Почему-то здесь сохранившееся. А если предположить, что здесь хранится все, что в мире считается давно и навсегда потерянным, то...

– Чертоги Сна!

– Что? – Шхалар обернулся.

– Это чертоги Сна! – воодушевленно заявила я. – Так?

– Как догадалась? – сумеречный остановился.

– Историю хорошо знаю, – улыбнулась хвастливо, – и сим-
волика мне всегда нравилась.

Обогнав своего спутника, я подошла к воротам и прищурилась на надпись. Склонила голову и прочитала вязь слов про себя. Да, это точно чертоги Сна. Ведь что есть сны? Это хранилище потерянного. Того, о чем мы забываем. Того, что упускаем из виду. Того, на что не обращаем внимания. Того, что порой возвращается к нам, чтобы вновь уйти в никуда. То, что навсегда скрывается за «невидимым порогом», за «невидимой гранью между здесь и там». И круг врат – это вход в сердце снов. Наших собственных и чьих-то чужих. Сплетенных из существующего и выдуманного. И мне здесь нужно найти нечто такое...

Легкий порыв ветра скользнул мимо меня, задев мокрый рукав рубахи, и исчез в замочной скважине врат. И ладони стражей дрогнули, сжимая дверные ручки, а створки под их напором медленно приоткрылись. В образовавшуюся щель легко бы пробрались и я, и мой спутник, и Шхалар, судя по косому взгляду, решил меня поторопить, да не успел. Новый порыв ветра больно ударил по затылку, и я упала на колени, схватившись за голову. Ветер...

Перед глазами помутилось, и на мгновениехватило

ощущение полета. И, кажется, я летела. Сквозь свет коридоров и мрак огромных пещер, сквозь величие исполинских статуй и древние руины, сквозь темную воду и сети ярких огней. Ветром проскальзывала меж сталактитами и колоннами в поисках только мне одной известной цели, пока не остановилась у стены. В три человеческих роста, она мерцала желтым, и там, где сияние сгущалось, я мельком рассмотрела очертания неподвижных лиц с закрытыми глазами. То ли маски, то ли замурованные люди...

Ветер подхватил меня под мышки, подбросив вверх, толкнул к крайнему слева лицу, и на меня уставились холодные мертвые глаза. Я испуганно пискнула, отпрянула и... вернулась. Мгновенный полет – и я оказалась сидящей перед створками и испуганно дрожащей.

– Что увидела? – Шхалар присел рядом.

Я тряхнула головой и потеряла затылок. Ощущение полета прошло, но страшное незнакомое лицо продолжало стоять перед глазами. Я боязливо поежилась. Кашлянула. Попыталась собраться с мыслями. Мне ненароком показали, куда идти... и определили время. Над моим правым плечом зависли, покачиваясь, черные часы с тремя чашами. Пока песок невозмутимо серебрился в верхней чаше, но стоит лишь ступить за порог врат... Я должна понять, куда идти. И понять быстро, очень быстро.

Не обращая внимания на сумеречного, я закрыла глаза, сосредоточилась, и моя неугомонная память, подобно хра-

нилищному артефакту, начала собирать в стопку всё, что мне было известно о чертогах Сна. А знала я о них, к собственному удивлению, немало. От подробного плана лабиринтов до отчаянного понимания: после возвращения обратно долго я не проживу. Блуждающая странность могла отпустить человека, но навсегда ставила на нем свою печать. И, так или иначе, после прибирала к рукам. Мои – сезон-другой, может, чуть больше... Но это... неизбежно.

Я шмыгнула носом и решительно отпихнула страшное понимание в сторону. Не стоит забывать о том, что я – не совсем человек. И со мной всё не так. И почему бы проклятью странности не сработать иначе?..

– Яссмилина, – негромко окликнул Шхалар.

Я посмотрела на него исподлобья и с удивлением заметила в сизых глазах отражение своих страхов. Словно мысли прочел. А говорил, что не умеет...

– Это глупости, которые порождаются недалекими умами из-за пары совпадений, – сказал он тихо, – а после срабатывает закон веры. Если что-то случилось с одним и вторым, значит, случится и с тобой, – и, помолчав, добавил веско: – Но с тобой случится только то, во что ты веришь. Иначе и быть не может. Понимаешь?

Я кивнула.

– Тогда идем, – сумеречный мельком глянул на песочные часы, – время.

– ...пока еще есть, – я, пошарив по поясному карману,

вытащила сшивку. – Мне надо понять, куда идти и каким путем.

Открыв сшивку на пустой странице и вооружившись пером, я быстро зарисовывала план чертогов, попутно вспоминая, где что находится. Чертоги делились на две части – южную и северную. В северной прятали свои тайны маги, в южной – ремесленники. В каждой части было, соответственно, девять уровней – для каждого пути свой. И нам надо...

– Откуда такие знания?

– Оттуда, – буркнула в ответ.

Да, откуда мне знать, из чьей головы я вытащила план вместе с тайнописью? Я и не думала, что так хорошо запоминаю всё, что попадаетеся на пути поисков... Так. Стена. Мерцание. Лица. Тьфу... Я невольно поежилась. Ладно. Если предположить, что лица – это маски, то меня ждет уровень искусников, а если вспомнить, кто маски искусникам делал – то уровень артефактологов. А что до мерцания... Над ним я потом подумаю. Если на обозначенных уровнях ничего не найду.

– И? – судя по резкому тону, Шхалар начинал терять терпение.

– В чертогах два рабочих входа – северный и южный, – пробормотала я, сидя на коленях и не сводя глаз с набросков плана. – Плюс смежный проход...

– Это северный, – он оглянулся на статуи. – Эти двое – точно маги.

Замечательно... Я быстро отметила путь до смежного входа. Эдак мы здесь проплутаем до скончания времен...

О размерах чертогов я имела крайне смутные представления, но, оглядываясь на чужие воспоминания, предполагала, что они... огромны. Бесконечны. Говорят, их создали в эпоху Первой, дабы схоронить знания, которые приносили людям Неизвестные. Люди, конечно, были готовы хватать все, что давалось, но нашлись мудрецы, верно рассудившие – есть вещи, о которых смертным лучше не знать. И они создали северное крыло чертогов. А вслед за ним – и южное, когда из-за ремесленных опытов на свет появилось то, о чем тоже лучше никому не знать. Не удивлюсь, если здесь, в клубке лабиринтов, хранится и тайна создания сайхо. И не удивлюсь, если чертоги пополняются по сей день.

– Что значит «рабочие входы»? – Шхалар придвинулся и заглянул в план через мое плечо.

– Это прямые входы в крыло. А есть еще подсобные – на каждый уровень. Когда-то чертоги Сна были не блуждающей странностью, а природным образованием. Сетью горных пещер. Южный вход находился на южном склоне горы, северный – на северном. Чертоги осваивались от вершины и вниз. Говорят, на нижние уровни ведет подземная река.

– Кто говорит?

– Не цепляйся к словам, – я отмахнулась, вырывая из сшивки листы с планами. – Люди говорят.

– А вот и выходы... – задумчиво проронил Шхалар.

– Заколдованные, – добавила я, убирая сшивку в поясной карман. – Через них просто так не выйти, снаружи их не найти и... Эй, значит, вы вход в чертоги искали, когда долбили скалы?

– Появление странностей давно научились предсказывать, – снисходительно отозвался сумеречный, вставая и протягивая мне руку. – Испокон эпох они следуют по одному и тому же пути. И, да, Танар полагал, что путь в чертоги можно пробить вручную.

– Наивный, – фыркнула я, принимая помощь и тоже вставая. – Сюда не попасть без зова ветра или ожидания мира. Или без тайны, которую ты хочешь спрятать.

– Неужели? – иронично улыбнулся мой спутник.

– Ненормальные источники – не в счет, – я храбро заглянула в щель между створками.

Часы, встрепенувшись, зашуршали сыплющимся песком. Вот теперь – да, время. И всё бы ничего, но страшно, до дрожи в руках... Чего боюсь?.. Пожалуй... неизвестности. И дико боюсь вернуться... без него.

Вперед я шла на негнущихся ногах. Пролезла в узкую щель и бегло изучила очередной коридор. Так, здесь должна быть развилка... Через десять шагов, за поворотом, я добралась до искомого – до девяти полукругом расположенных проемов – и решительно свернула в третий коридор справа. Так называемый рассветный путь начинался аркой, укра-

шенной золотыми волнами трещин. Если верить плану, коридор выводил на седьмой уровень – к смежному проходу, соединяющему оба крыла.

– Уверена в направлении? – поинтересовался сумеречный, топая позади.

– Конечно, – я смотрела то вперед, то на план.

Здесь есть еще одна развилка, но от магов, создавших лабиринты чертогов, не стоит ждать ничего хорошего. Опасных ловушек вроде быть не должно, но в наличии мороков и обманок я уверена. Спасибо чужим воспоминаниям. Кстати, у меня же есть одно замечательное средство...

– Тогда почему дрожишь?

Сунув под мышку листы с планом, я на ходу зашарила в пояском кармане. Среди добра, которое мне сбаврил Айло, есть зелье, позволяющее видеть знаки остаточной магии. А по последним можно понять, какое заклятье и для чего применялось. И рассмотреть, собственно, обманки.

– Боюсь. Я всегда боюсь, когда гадость чую... – вытащив нужный пузырек, я откупорила пробку. Выплеснула часть густой зеленоватой кашицы на ладонь и щедро размазала ее по векам и переносице. – И в пустоши, если помнишь, это почти спасло нас от Вечности.

Шхалар хмыкнул, наблюдая за мной искоса, и назидательно изрек:

– Только в одном случае из ста страх вора – это предупреждение. В остальном ты боишься просто потому, что бо-

ишься. И все твои предчувствия – это трусливая натура плюс больная фантазия.

Я закрыла пробку, убрала зелье в поясной карман и устало посмотрела на него снизу вверх:

– Может, и так. И что? Обязательно каждый раз напоминать, что я трусливое недоразумение? И обязательно сейчас? А если у меня от страха мозги откажут, как ты выберешься отсюда? Нет, если хочешь, – и я протянула ему план, – веди. А я спрячусь за твоей спиной, чтобы спокойно там бояться и фантазировать. Не хочешь? Тогда закрой рот и не мешай!

И ускорила шаг, сердито сопя. Шхалар молча пошел следом. Умник, поberi его мгла... Нашел время учить жизни...

Я поморгала, приноравливаясь к меняющемуся зрению. Под действием зелья расплывались стены, мерцание становилось ярче, коридор – шире, а потолок, наоборот, ниже. Я подняла голову и споткнулась, закусив губу. К горлу подкатил липкий комок отвращения. Своды потолка «украшали» кости. Дорожка из больших, с два моих кулака, узловатых позвонков – посередине, а кости грудины – двумя арочными полукругами сползали с потолка на стены. Слишком крупные для людских, но приятного все равно мало...

– Не останавливайся. И не смотри под ноги, – Шхалар крепко взял меня за плечо повыше локтя. – Это морок.

Под ноги я таки глянула. И едва удержалась от желания взобраться на плечи своего спутника. На меня смотрели пустые глазницы и скалились острые клыки. Ровная дорожка

из лобастых звериных черепов в окружении мостками уложенных костей.

– Так что, сразу и было?.. – споткнувшись, я нервно переступила с ноги на ногу.

– Как только мы свернули с развилки, – кивнул сумеречный. – Но мороки магов видны лишь им. Или тем, кто использует зелье уподобления, – и осторожно подтолкнул меня вперед, напомнив: – Время, Яссмилина.

Я устояла в план и на дрожащих ногах пошла дальше. Шхалар, вздохнув, мрачно спросил:

– Ты хоть что-нибудь из моих занятий запомнила?

– С непропущенных – всё, – буркнула в ответ.

– Так чаще надо было приходиться.

– А меньше надо было гадостей делать!

Сумеречный снова вздохнул и с необъяснимым терпением, не забывая тащить меня вперед, рассказал:

– Издревле обманные символы и мороки служили отличительными знаками. Ими помечались и тайники, и правильный путь в лабиринтах хранилищ, и возможные западни. Между прочим, у тебя в итоговой контрольной был вопрос о ловушках рассветных магов, – поддел насмешливо, – и ты очень развернуто на него ответила.

Я смутилась. Да, наверное... Только я была злой, невыспавшейся и больной с похмелья. Ничего с той контрольной не помню, только что пить хотелось... Шхалар продолжал нудно вещать, а я шла рядом, уставившись в карту. Не на ко-

сти же смотреть... И где это проклятое ответвление?..

— ...обманки вообще символичны. Мы, например, видим кости снежной ящерицы — второго по силе существа Изначальности, из ветви светлых сумерек. Это значит, что путь ведет мимо тайников, где рассветные маги прячут то, что никогда не должно попасть в руки светлых сумерек. Кроме того, можно предположить... Кстати, нам не сюда?

Я отвлеклась от изучения плана. Коридор сворачивал влево, а справа тусклым золотом сиял едва различимый арочный проход. Я рассеянно кивнула и первой шагнула в туманное марево рассвета. Толкнула вытянутой рукой невидимую дверь, сморщилась от противного скрипа и невольно замерла. Дверь вела в пещеру, где властвовала Снежная зима. Наверху серели тяжелые тучи. У ног пушистым одеялом стелились низкие холмы серебристых сугробов. И везде, насколько хватало глаз, из снега вырастали мощные колонны, свитые из прозрачного льда. В глубинах каждой таинственно мерцали клубки седого огня.

Осторожно ступая по снегу, я подняла голову. Наверху колонны соединяли льдистые нити, тонкие, хрупкие и изящные. Сплетаясь меж собой, они образовывали подобие хрустального купола, и в местах их пересечения искрились маленькие рассветные солнца.

— Это... морок? — хрипло спросила я, зачарованно рассматривая «купол».

— Нет, это хранилище, — пояснил Шхалар и недовольно

добавил: — А если ты так и будешь везде застревать, нам никакого времени не хватит.

— А если бы кое-кто ко мне не прицепился, я бы уже обратно вернулась и обедала бы с Райденом и Гиль... — и запнулась.

Брат меня убьет... Исчезла без предупреждения, в неизвестном направлении, и наверняка здесь недоступна мыслесвязь...

Я нервно обернулась:

— Шхал, а...

— Здесь странно течет время, — он обошел меня и устремился вперед. Под его уверенными шагами захрустел снег. — По ощущениям мы проведем здесь день, а по возвращении узнаем, что прошел сезон-другой. А может быть, нашего отсутствия никто не заметит. И — да — мыслесвязь в чертогах не работает. Не спи. За мной.

Я поспешила следом, ежась и выдыхая облачка пара. Холодно, а я насквозь промокла... И чем дальше мы шли, тем холоднее становилось, и тем быстрее снежное хранилище теряло свою привлекательность. Я семенила по снегу, пытаюсь на ходу шевелить коченеющими пальцами ног и безуспешно грея дыханием замерзшие руки. И отставая от сумеречного, который несясь вперед, словно ветром в спину подгоняемый. Шхалар ожидаемо скрылся за частоколом льдистых колонн, а я, дрожа, брела по серой вязи его следов и отчаянно уговаривала себя потерпеть. Еще немного.

– Куда дальше? – глухой голос, неожиданно прозвучавший рядом, вырвал из цепкого сонного забытья, в которое я успела провалиться.

Я смутно припомнила план. Так, из трех проходов, кажется, крайний справа... Листы с картой я давно сунула в поясной карман и теперь не имела ни сил, ни возможности до них добраться.

– В п-п-п... – попыталась выдавить из себя, заикаясь.

Шхалар выглянул из-за колонны и молча снял куртку. Подойдя, завернул меня в нее до кончика носа и взвалил на плечо, как куль с мукой.

– Вправо, говоришь? – уточнил, вернувшись к проходам.

Я согласно клянула зубами. И с головой окунулась в дождь. Следующая пещера оказалась копией предыдущей, только снег и лед сменились слякотью и водяными колоннами. И в каждой таилось спрятанное магами сокровище.

Шхалар шел быстро, по щиколотку утопая в грязных лужах. А я безуспешно пыталась согреться. С «водяного» купола стекали тонкие холодные нити бесконечного дождя, и мы враз вымокли. Я посмотрела на расплывчатые отражения солнышек в лужах, на искрящиеся блики лучей, скользящих по волнистым бокам колонн, и кое-что вспомнила. Пока я не отрезана от силы...

Повозившись, я нащупала нужный поток, выдернула из него лучистую нить, и нас окутала дымка золотистого тепла, о которую застучали капли дождя. Простенькое закла-

ть света, а сколько сил отнимает... Я потеряла пульсирующие виски и протянула к свету замерзшие руки. Долго так продолжаться не может, нужно что-то придумать... Мы движемся как озерные улитки.

Дождевую пещеру сменила пыльная. Песчаные вихри колонн, духота и сухая пыль, забивающая нос и вызывающая приступы острого кашля. Магический заслон худо-бедно защищал от растворенной в воздухе пыли, но не всегда. Зато было тепло. Многочисленные солнышки не только лучились, но и грели. И я позволила себе зажмуриться, расслабившись, на мгновение отрешиться от происходящего. Тепло...

Шхалар пересек пещеру бегом, кажется, напрочь забыв о моей особе. А у меня от неудобного висячего положения уже ломило спину и ныли мышцы живота. Непривыкшая ни к походам, ни к путешествиям, я чувствовала себя мерзко, хотя и согрелась, и почти обсохла. Начали сказываться ночное пробуждение, недосып и отсутствие завтрака и обеда.

...полмира за возможность поспать и поесть...

– А где ты возьмешь эти полмира, чтобы рассчитаться? – поинтересовался сумеречный, останавливаясь перед выходами из пещеры.

– Сворю, разумеется, – вздохнула я. – Второй слева, – и чихнула в ворот куртки.

Знакомому мерцающему коридору я обрадовалась как родному. Шхалар сгрузил меня у стены и сел рядом. Я выпуталась из его куртки и полезла за припасами. Кружка, буб-

лики, яблоки...

– Будешь? – протянула ему зеленобокий плод.

– А не отравленное? – он взял яблоко.

– Отравишь тебя, ага, – я открутила крышку походной кружки. – А то не помню, как на тебя зелья действуют... Отравить попытаешься – приступ ярости вызовешь... А кто меня потом от стен чертогов отскребать будет?

Шхалар хмыкнул, сгрыз яблоко и встал, всматриваясь в сумрак длинного прямого коридора. Выглядел он отвратительно бодро. А я вот, кажется, не встану... Да, обсохла, перекусила и напилась горячего чая, но чувствую себя ужасно. Сумеречный выжидательно протянул руку, и я заставила себя встать. И откуда ощущение, что мы бродим по чертогам дольше, чем кажется?..

Мой спутник хмуро прищурил глаза:

– Какие мысли?..

– Никаких, – я покачала головой, – только твой укороченный путь, но...

– Но ты его не переносишь, – Шхалар задумчиво прошелся по коридору взад-вперед, сунув руки в карманы штанов.

– Если быстро пойдешь – я его не переживу, – уточнила тихо, закутываясь в его куртку. – А если медленно... всё равно толку мало.

Когда он уносил меня с холма – то шел медленно, да и расстояние от башни до города – небольшое, и я отделалась неприятными ощущениями. Что касается быстрого шага –

когда одно мгновение равняется суточному переходу, то он кончится для меня остановкой сердца или разрывом легких. Это для магов укороченный путь – потеря собственно магических сил. Для простых смертных это та же нагрузка на организм, помноженная на невероятную скорость передвижения. Айло протащил меня как-то быстрым шагом с острова на остров шутки ради, так после еле откачали.

Шхалар задумался о своем, а я украдкой и с надеждой поглядывала на него. Видимо, ничего не придумав, он устремился по коридору вперед, ворча:

– И занесло же, тебя, недоучку... Могла же отказаться от зова. Воров этому обучают с пеленок.

– Если бы я училась с пеленок, может, тоже бы умела, – огрызнулась я, доставая план и сверяясь с ним. – И не от зова отказываться, а от «прицепа».

Сумеречный фыркнул и шустро перевел тему с малоприятного на совсем неприятное:

– Не во мне дело, Яссмилина. Я удлинил твой путь на сотню шагов, не больше. Спящие открывают ворота людям, а не ветрам. Жизни, а не силе. И не пропускают без часов. Кстати, обрати на них внимание.

Я повернула голову и тихо помянула ветер, невольно ускоряя шаг. Первая чаша опустела наполовину. Я рассчитывала, что к этому времени мы доберемся хотя бы до перехода в южное крыло, а мы – лишь на полпути к нему... Что здесь со временем происходит?.. Я нахмурилась. Ладно, Вечность

с ним. Должен же быть выход из этого временного тупика...

– А если я пройду укороченным путем, – вернулся к насущному Шхалар, – ты ветром прошмыгнуть сможешь?

Я пустила по коридору сначала нить распознавания, следом – нить захвата цели, но...

– Нет, мне не за что зацепиться, – разочарованно нахмурилась.

– А без?..

– Шхал, я не искатель. Я вор. Искатель смог бы пройти тем же мерцающим следом, но мне, чтобы поймать порыв ветра, нужно зацепиться за то, что можно украсть. А впереди пусто. И я до сих пор не знаю, зачем здесь нахожусь. А применять сложные заклинания иных путей... Я боюсь.

– Но ведь зов был? – отметил он. – И ты увидела нужный путь. И если мы идем за твоей добычей, то?..

Как же противно признаваться в собственной неумелости, да еще и не тем людям... И я смолчала, идя за сумеречным и невольно замечая, как меняется магический коридор. Мерцание, прежде шедшее от стен, стекалось в тусклые точки светляков. И я едва не споткнулась, зацепившись носком сапога за глубокую трещину в полу.

– Ясмилина, я задал вопрос.

– Потеряла я порыв ветра... – и опустила глаза. – Он позвал, показал цель, а потом... исчез. И поймать его, чтобы ухватиться, я не могу. Его нет. И цель он показал... спрятанную. Если бы я увидела артефакт, то смогла бы за него

зацепиться, а он показал стену, где этот артефакт замурован. А стена... Ее не украдешь. Вернее, можно... но мне сил не хватит. Я могу перемещаться, лишь хватаясь за предметы. Или зовом, которого тоже нет.

Шхалар тоже смолчал, но посмотрел так выразительно... Я угрюмо отвернулась. Сама знаю, что толку от меня мало. Ни опыта путешествий нет, ни особых навыков... Зато есть нечеловеческая память. И знания. Рано нос вешать. Я быстро вспомнила умения вора, включая высшие достижения мастерства, и кивнула самой себе.

– Шхал, я могу стать твоей тенью, – сказала убежденно. – А тень пойдет за тобой – шаг в шаг, след в след, уподобившись тебе, повторяя каждое движение и имея твои способности – все, включая выносливость в укороченном пути, – отметила скептический взор, но глаз не отвела: – Я смогу!

– Уверена? Тень – это...

– Заклятье Старших, да! – я возбужденно смяла листы с картой. – И я лишь теоретически знаю о его действии... Но чувствую, что смогу! – и посмотрела на темные закоулки коридора. – Вор не возьмется за дело без твердой уверенности в себе. А если он уверен, то способен творить чудеса и совершать невозможное. И я верю, Шхал. У меня получится.

– Тогда тебе и карты в руки.

Я перевела дух и улыбнулась. Приятно, когда в тебя кто-то верит... Припомнив тонкости заклатья, я оценила обстановку.

– Вставай сюда.

Он встал напротив светляка, так, чтобы от его фигуры по шербатовому полу расстелилась густая тень, и с интересом начал наблюдать за моими действиями. А я достала сшивку, невольно отмечая подозрительное – уже который день подряд – непривычное молчание Эйрина, вооружилась пером и присела на корточки. Ладно, об Эйрине – потом, у меня сейчас другая задача... Заклятье требует трех знаков в лучшем случае и... В сомнении посмотрела на своего спутника. И восьми – в худшем.

Шхалар встретил мой взгляд и вопросительно приподнял бровь. Я в ответ пожала плечами и нарисовала восемь символов, каждый на новом листе. Он и маг, и источник, и чешуйчатый, и Вечность знает, кто еще... Далее. Я вырвала листы с символами из сшивки и разложила их у ног Шхалара так, что он оказался в кругу. Знак силы, знак сущности, знак движения, знак пути, знак слабости...

– Это зачем? – спросил он с интересом.

– Это – знаки-вместилища, – пером я кое-как нацарапала на каменных плитах соединительную линию, благо его странная магия не подвела. – На них перейдут все твои данные, которые я временно позаимствую. Не шевелись. И молчи, пожалуйста, – я быстро нарисовала на ладонях обеих рук те же восемь символов и вооружилась необходимым потоком силы.

Мощная узловатая плеть больно резанула кожу рук, но я

лишь крепче сжала тяжелый, норовящий выскользнуть поток, выжидая, когда ее сила напитает символы. И когда последние острыми иглами впились в ладони, я временно отпустила поток. Надеюсь, он не утянет меня за собой. Надеюсь, я всё сделаю достаточно быстро...

Так. Сущность, как считается, гнездится в голове. Я встала за спиной своего спутника на цыпочки и сосредоточенно провела кончиками пальцев по его щекам. Знак сущности, нарисованный на листе, полыхнул белым. Сила – в грудной клетке... Шхалар от следующих моих изучений вздрогнул, а знак силы полыхнул сизым. Слабость – спина...

– Что это за ритуал? – он снова вздрогнул.

Чувствительный какой, подумать только...

– Не отвлекай меня, – я добралась до его коленей, где таилась сила движения. – Ничего предосудительного с тобой не делаю.

Сумеречный сдавленно фыркнул. И пусть развлекается, лишь бы вопросами не сбивал и не нудил... А то когда он начинает корчить из себя источника или наставника, у меня руки чешутся спустить на него парочку-другую «прилипал».

– Шхал, пора. Я покажу дорогу, – и, ощутив привычную боль в затылке от мыслесвязи, про себя проделала тот же путь, что и вместе с ветром.

Последний знак вспыхнул черным. Я вцепилась в поток силы и растворилась в сизой тени.

Помнится, однажды я спросила у Эйрина, как ему живется в шивке, будучи не то духом, не то обрывком прежней сущности. И он заметил, что быть частью чего-то проще, чем собой. Тогда я его не поняла. Зато теперь – отлично понимала. Мне ничего не хотелось и ничего не требовалось. Сила мглистых сумерек стремительно несла меня по чертогам, подобно бурному потоку горной реки, а я, крошечная и незначительная капелька воды, летела в заданном направлении, не чувствуя ничего. Ни аппетита, ни усталости, ни интереса. Лишь отмечала краем глаза пещеры, коридоры и повороты. И не сразу поняла, что мне нечем дышать. И не сразу – что стою на месте. Одинокая капелька воды, едва вписавшись в поворот, зацепилась за стену и стекла по камню, не найдя сил следовать дальше за могучим потоком.

В себя я пришла от резкой боли в груди. Мучительно не хватало воздуха, и горло рвал жуткий кашель. Продышавшись, я потерла виски и нерешительно осмотрелась. Темно-синее мерцание стен, туман, стелющийся у ног, неровные стены... Я попыталась встать, слепо нащарив выступ на стене, оглянулась и снова села, чтобы отпрянуть в сторону. Выступом оказался чей-то крупный мясистый нос. Я оцепенела. Стены огромной комнаты, имеющей форму многогранника, являли собой сплошное переплетение лиц. И каждая грань – гроздь разномастных спящих физиономий. Причем на одних гранях лица располагались, словно нанизанное на вертел мясо, а на других – сливались в одно целое, так, что

у единственного раздувшегося лица оказывалось три носа и шесть пар спящих глаз.

Я судорожно сглотнула и зажмурилась. А еще... Шхалар куда-то делся. Потерял меня на пути к цели и не заметил. А у меня силы не те, чтобы долго прикидываться источником... Я попыталась отрешиться от страшной комнаты и собраться с мыслями. Главное, чтобы он успел долететь до нужной стены... У меня есть планы чертогов, я и сама до места доберусь, а вот сумеречный может заблудиться. И ветра с два я найду его в этих бесконечных лабиринтах.

Мой взгляд снова упал на ту грань, от которой я отползла. С отвратительно вытянутого лица на меня с немим укором «смотрело» пять пар спящих глаз, меж которыми нелепо ютились носы, подбородки и губы. Тьфу, гадость...

Встав, я дрожащими руками нащупала в поясном кармане смятые листы планов и начала осторожно их разворачивать. Мелкая ручная работа помогла сосредоточиться на насущном. Так... Я нашла лист с планом уровня искусников. Не дотерпела-то совсем немного... Я расправила карту и хмуро уставилась на безумное переплетение коридоров и пещер. Меня выбросило... Я удивленно моргнула. Лист превратился в голубой шар света, причем подозрительно знакомый... Я проводила его взглядом. Где-то я такой уже видела... Ах да, в пустоши, когда...

– Яссмилина, немедленно заматай следы! – рявкнул Шхалар, возникший позади. – Живо!

Тонкая, «выжатая» теперь узловая нить по-прежнему обхватывала мое правое запястье. И, не раздумывая, я всё сделала очень быстро. Оборвала нить, отпустила ее в полет и проводила взглядом уплывающий в никуда голубой шар. Когда же я запомню-то, что следы надо замечать сразу...

– Цела? – Шхалар подал мне руку. В прищуренных темно-сизых глазах мерцал напряженный интерес. Исключительно научный.

Я ухватила двумя руками за его запястье и кое-как встала. Колени подгибались, но, собрав остатки сил, я выпрямилась и расправила плечи. Руку помощи, правда, отпускать побоялась, вцепившись в подставленный локоть.

– Вроде, да...

– Тогда идем: наша пещера – через одну. Кстати, Яссмилина, ты меня удивила. Откуда у практиканта столько сил и умение работать с потоками Старших? – и он бросил на меня острый взгляд из-под нахмуренных бровей.

– Ну... – я смущенно кашлянула. – Оттуда. Это семейное.

Шхалар промолчал, задумчиво хмурясь и безжалостно волоча меня за собой. А я смотрела по сторонам.

Одна из граней пещеры, оказывается, была иллюзорной, скрывающей узкий проход, в который мы и шагнули. Короткий островок перехода – и следующая многогранная пещера, стены которой вновь «украшали» выпуклые маски. Незнакомые лица улыбались и хмурились, насмешничали и грозно поджимали губы, хохотали и готовились разразиться сканда-

лом... Все грани человеческих чувств, подвластных искусникам, провожали нас закрытыми глазами. И смотрелись так реалистично, будто в стене и впрямь спали живые люди. А может, они и были живыми, кто знает...

Я боязливо поежилась и покосилась на Шхалара. Тот по-прежнему хмурился, думая о своем. Я помялась, но решилась прервать его размышления:

– А как ты меня нашел?

– Что? – он рассеянно смотрел перед собой. – Следы заметить надо. Часть твоей нити прицепилась ко мне и тянула назад.

– Когда-нибудь я запомню... – я вздохнула.

– Не запомнишь, – мой спутник насмешливо хмыкнул, проталкивая меня в щель следующего прохода. – Не успеешь. Скорее, до тебя доберется тот, кого ты обворуешь. И вряд ли он будет настроен мирно.

Я покраснела и поджала губы. Надейся-надейся... Боком протиснулась в узкую щель и задумчиво втянула носом воздух. Запах. Здесь пахло ветром, свежим и влажным... И появилось притяжение цели. И я устремилась на запах. По колено проваливаясь в вязкое марево желтого тумана, без труда нашла нужную грань и остановилась возле нее, задрав голову. Пещера напоминала многоконечную звезду, и с грани одного из ее «лучей», направленных к центру, на меня сонно взидало пять больших лиц. И мне, кажется, нужно третье...

– Здесь? – незаметно подошел Шхалар.

– Да, – я обернулась. – Подсадишь? Я не допрыгну.

Сумеречный присел, и я быстро взобралась на его плечи, чтобы спустя мгновение оказаться напротив знакомой физиономии. И именно ее я видела во время последнего зова, только она... Закрытые глаза распахнулись, вперив в меня мертвый темный взор, и я непроизвольно отшатнулась.

Шхалар, помянув мглу, отступил от стены и не без труда сохранил равновесие, буркнув:

– Или сиди смирно, или слезай.

– Л-ладно... – отозвалась невпопад.

Ничего страшного. Это не глаза. Это провалы, дыры в стене...

– Шхал, а подойди ближе.

Размеры глазниц – очень подходящие для... Я осторожно просунула в дыры обе руки по локоть, нащупав металлические задвижки. Хм...

– Что там? – сумеречный, подняв голову, наблюдал за моей возней.

– Замок, – найдя на ощупь крошечные «ручки», я потянула их друг на друга и пощелкала задвижками. – Вроде засова, только странный какой-то... двойной. Точно не искусничья работа.

Судя по щелчку, обе части «засова» соприкоснулись, но никакие невидимые двери при этом не открылись. Я потянула их друг на друга до упора, потом развела обратно, но – ничего.

– Должен же он открываться... – я нахмурилась.

– Или соображай быстрее, или слазь.

– Не надорвешься, – я подалась вперед, азартно щелкая «засовом».

Снова соединила разрозненные металлические пластины, подумав, повертела «ручки» и вдавила их в засов. И «лицо» пропало. Растаяло желтоватой дымкой, открывая зияющий провал, куда меня резко потянули невидимые руки. Я с визгом соскользнула со своего наседа, но в образовавшуюся дыру нырнуть успела только по плечи. Шхалар поймал меня за щиколотки, и несколько мгновений они с невидимкой соревновались в перетягивании, пока мои запястья, крепко удерживаемые призрачными руками, не загло огнем.

В предплечьях вскипела боль, и я, сморщившись, выдохнула:

– Шхал, отпусти... Отпусти, поberi тебя ветер! Без рук же останусь!..

И сумеречный отпустил. Меня затянуло в дыру, сквозь которую я пролетела, подобно камешку, пущенному ребенком из рогатки, потеряв по дороге сумку. Помянула про себя Вечность и выскользнула из низкого прохода на пол. Кувыркнулась, принимая сидячее положение. Оглянулась настороженно и удивленно ахнула. Ох, ты ж, а...

Я сидела на полу одного из древнейших храмовых сооружений. Узкое помещение с девятью стенами в виде неправильного многогранника. В центре – массивное возвыше-

ние, заполняющее собой все видимое пространство, и между ним и стенами едва разойдутся двое. Возвышение повторяло форму храма, и к нему вели щербатые ступеньки. Лестница, закрученная спиралью, уводила на высоту трех человеческих ростов. Вместо потолка – черный провал, ведущий в никуда. В центре возвышения, как я читала, такая же дыра. По легенде, там заперта частичка Вечности, питающая храм изначальной силой. А само строение находится между миром живых и Изнанкой, на пороге, через который Вечность не могла прорваться наружу.

Встав, я огляделась. Теплый приглушенный свет проникал, кажется, извне, озаряя помещение и грубую кладку стен, у которых кутались в сумрак безликие тени. Сейчас так уже не строят. Стоишь рядом со стеной – и видятся выпирающие, неровно обработанные булыжники, нелепо подогнанные друг к другу. А посмотришь издали – и коричневые прожилки в сером камне сливаются в четкие узоры. В символы пути, придуманные Великой на заре времен.

Я благоговейно прикоснулась к стене, и она слабо засветилась. И камней таких сейчас уже нет. Серые крупички мелкого песка, темно-коричневые прожилки слюды. Прежде материал так и называли – песчаником, и добывался он лишь в одном месте – на материке Первой, в бухте Трех ветров, которую давно поглотила морская пучина вместе с Кровавым кряжем. За последний всю эпоху Первой велись страшные бои, ибо каждая община ремесленников хотела иметь свой

личный храм Перекрестка. А их строили только из песчаника. Из единственного материала, способного эпохами хранить изначальную силу.

Сияние стало ярче, рассыпаясь крошечными теплыми искорками. Проникая под кожу, они сливались с моей силой, наполняя все существо первозданной мощью. И уходила прочь усталость, выпрямлялась спина и прояснялись мысли. Улыбнувшись, я провела рукой по камню, нащупала острый выступ и уколола палец. Минерал быстро впитал пару капель крови. Мизерная плата за отдых... Я глубоко вздохнула и осмотрелась. Пора приступать к поискам насущного. Часы уже наполнили песком вторую чашу до середины, а нам еще обратно выбираться...

Не удержавшись, я позволила себе поглазеть по сторонам. В мире осталось непозволительно мало изначальных храмов Перекрестка, древних хранилищ единой силы, – не больше пяти. Остальные давно поглотили природа да людские глупости. Я читала о храмах, видела их изображения, но никогда не предполагала, что мне так повезет... И неважно, Эйриновы это происки или же судьба... Да, сейчас так уже не строят... Каждый камешек – на своем месте, у каждой слюдяной прожилки и крупинки песка – свое назначение...

Вздохнув, я отодвинула в сторону благоговение и решительно направилась к лестнице. Конечно, здесь за каждым камнем может скрываться тайник, как скрывался и проход, но раз тянет на возвышение – значит, мне туда. Поднявшись

по ступенькам, я едва удержалась на узком бортике. Один шаг – и чернота Вечности улыбнулась из бездонного колодца, распахивая холодные объятия. Я с трудом отвела взгляд от манящей пустоты. Да, один лишь шаг – и в никуда уйдут и загадки Эйрина, и заботы рода... И, наверно, если бы не вострепнувшаяся сущность сайхо, я бы сделала этот шаг... Но то, что толкало меня вперед, то, что заставляло быть сильной, пригвоздило к полу, зашипело, прогоняя ненужные мысли. Нельзя. Не сегодня.

Я нервно поежилась и сосредоточилась на поиске. Стараясь не смотреть в колодец, бегло изучила бортик. И окончательно потеряла интерес к самоубийству. Узкий круг дорожки с внутренней стороны обрывался колодцем, а с внешней был заключен в подобие звезды с девятью лучами. В центре длинных широких лучей – глубокие темные ямы, по краям – плитка, расписанная символами из подземья башни.

Помедлив, я присела на корточки. В яме в полный рост мог бы уместиться стоя взрослый человек. Я задумчиво нахмурилась. Неужто легенды о жертвоприношениях во имя Вечности правдивы?.. Я скривилась от отвращения. Нет, не буду вспоминать подробности ритуала... Когда про них читаешь – это одно, а когда стоишь у края колодца, в который утекала кровь обреченных, – это совсем другое... И посмотрела на плитку с символами. Лучше ими займусь... Встав, я прошла вдоль кромки «звезды», внимательно изучая каждую закорючку. После сюрприза от памяти, неожи-

данно «вспомнившей» то, о чем я понятия не имела, записывать бессмысленно. Когда эти знания пригодятся, они всплывут сами собой.

Остановилась я лишь однажды – там, где заметила выступающий край плитки. словно бы... не отсюда. Я обошла яму и склонилась над острием «звезды». Точно. Этот кусок камня – более... старый. Другой. Трещин больше, они глубже. Края сильнее крошатся. Символы потертые и по краям... кажется, кровью запятнаны. Я содрогнулась, рассмотрев в мелких трещинках коричневые вкрапления. Хотя, возможно, это слюда...

Прогнав отвращение, я решительно вынула кусок плитки из выемки. Выпрямилась, бережно держа в руках находку, встала и почти сразу уловила дыхание ветра. Взъерошив мои волосы на макушке, он прошмыгнул мимо и нырнул в колодец. Вот оно, нужное!.. Я перевела дух и вздрогнула от резкой боли, когда острые края плитки впились в ладони. По запястьям тонкими ручейками потекла кровь, руки по локоть вспыхнули холодным огнем. И то ли – плата, то ли – моя глупость... Переживу.

Спрятав находку в поясной карман, я осторожно вернулась к лестнице и спустилась с возвышения. Больше здесь делать нечего. Темный лаз распахнулся, едва я очутилась у стены. Я оглянулась на прощание. День прошел не зря... Опустилась на карачки и скользнула в узкий проход, обдирая плечи и колени. Ладони ныли, и ползти пришлось, опи-

раясь на локти. Потом перевяжу... Хотя, спорю на свое наследство, раны уже затянулись сами собой. Такова природа магических вещей – как калечат, так и лечат.

Выход появился, едва я к нему подползла. И первое, что увидела, это знакомое лицо.

– Не за воротник!.. – предупредила, высовываясь из лаза по плечи.

Шхалар, разумеется, мои слова пропустил мимо ушей. Молча выволок меня за шиворот и поставил на ноги. Цепко и быстро осмотрел с головы до пят. Взял за руки и заставил разжать кулаки. Раны не обнаружили, но обе ладони распухли, а кожа с внутренней стороны приобрела синеватый оттенок. Много выпил камешек... Я сморщилась. Руки по локоть онемели. И как с потоками работать, если пальцев не чувствую?..

– Покажи, – велел мой спутник коротко.

– «Ясси, как ты?», – пробурчала хмуро, кончиками пальцев кое-как вытаскивая из кармана находку.

Сумеречный не ответил, внимательно изучая кусок плитки, который стал совершенно красным. А символы почернели.

– Это не я... – прошептала в ответ на задумчивый взор. – Это он... сам...

– Пошли отсюда, – Шхалар спрятал находку в свой поясной карман. – Дело сделано, и время почти кончилось. Пора

уходить, – и вручил мне потерянную сумку.

Часы как раз ссыпали последние крупинки во вторую чашу, готовясь наполнять третью. Я насупилась, перекидывая сумку через плечо, и собралась потребовать свое приобретение назад. Открыла рот и замерла, поперхнувшись невысказанным. Ветер шаловливо скользнул мимо меня, взъерошив волосы, и исчез в тайном ходе, скрытом за иллюзорной гранью. И меня снова «торкнуло». Я инстинктивно развернулась и метнулась за ветром. Здесь еще что-то есть... Шхалар тенью последовал за мной.

Я вихрем пролетала через пещеры, не чувствуя усталости – сила древнего храма здорово меня подлатала. И хотелось сворачивать горы, но этого не потребовалось. Очутившись в тупиковой пещере, чьи стены украшали спящие лица, где по полу стелилась белесая дымка, приглушая шаги, я зорко огляделась. Здесь физиономий оказалось больше, хотя пещера была меньше предыдущих. Здесь лица «смотрели» не только со стен, но и с неровных колонн сталактитов, словно кто-то неведомый прилепил к ним отрубленные головы, да так, чтобы в одной «связке» четыре рожицы оказались по сторонам света.

Содрогнувшись, я направилась в дальний левый угол, присела и потянула самую носатую физиономию за выдающуюся часть. Та послушно открыла рот, и к моим ногам упал потрепанный свиток, перевязанный грубой серой нитью. Я осторожно подняла его и сунула в поясной карман. И пере-

вела дух. Снова отпустило. Ветер, погладив меня по щеке, скользнул в невидимую щель да пропал.

Я встала, обернулась, но сказать ничего не успела. Шхалар приподнял бровь и протянул:

– И где же мы находимся?

– А что? – я потерла, разминая, онемевшие ладони.

– Я думал, ты идешь к выходу. А ты рвалась в тупик к тайникам?

– Я вор, а не искатель, – напомнила на всякий случай, доставая планы чертогов, – куда умею – туда и привожу.

– А теперь будь добра привести туда, куда не умеешь, – он выхватил из моих рук мятые листы. – Так, мы были здесь, а сейчас...

Я поджала губы и придирчиво изучила клубок лабиринтов, интуитивно определив место:

– Здесь, кажется...

– Кажется? – переспросил сумеречный едко. – *Кажется?*

– Если ты такой умный – разбирайся сам! – огрызнулась в ответ.

– Ясмилина, ты забываешь. Чертоги вытягивают из нас силу, – сказал Шхалар глухо, и я наконец заметила, что его яркие сизые глаза стали тусклыми, черными. – Еще немного, и от меня будет меньше толку, чем от тебя до инициации. Пояснения нужны?

– До рабочего входа – десять пещер, и я уверена, что он там!

– Тогда вперед, – скомандовал он, – и так, чтобы я тебя видел. Вдруг опять порыв поймаешь.

Как в воду глядел...

Я втянула носом воздух, но удрать не успела. Попыталась просочиться мимо Шхалара, но столкнулась с невидимой стеной и очутилась сидящей на полу. Порыв же проскочил и исчез в узком проходе. Я разочарованно сплюнула.

– Не туда, – заметил сумеречный сухо. – На выход.

– Но тут осталось дело!.. – я встала и попробовала обойти его, но вновь уперлась в незримую стену.

– Чертоги никогда тебя не отпустят, – Шхалар крепко взял меня за плечо повыше локтя, увлекая за собой. От его ледяной руки по коже побежал холодок. – Одна приманка будет сменять другую, пока не кончится время. А когда оно кончится, ты станешь одной из масок – тайником. Да, я тоже в курсе дела. Здесь есть вещи, которые *хотят*, чтобы их нашли, и зовут к себе. Но не всегда их нужно возвращать людям. Ты не уйдешь отсюда с опасными находками. Да и без них – тоже. Потому что ты уже стала частью чертогов.

Я невольно покосилась на спящие лица. По спине ледяным ручейком пота побежал страх. Они и вправду живые?..

– Т-тайники?..

А ведь я чуть в рот за находкой не полезла!..

– Т-тайники, – передразнил сумеречный. – Куда? Хватит порывов.

Ветер свистел в ушах, манил и звал за собой, подталки-

вая в спину... Не понимаю, как Шхалар ухитрился его приглушать... Сам вор – да, может отказаться от зова, но чтобы посторонний... Впрочем, он же чешуйчатый, он всяко больше меня знает... Не хочу обратно! Ветер, покрутившись рядом, пробрался под кожу, щекоча и заставляя подпрыгивать от нетерпения.

– Шхал,пусти!.. – заныла я, когда терпеть щекошливый зов уже не осталось сил. – Я только один тайничок вскрою!.. Ну, Шха-а-ал!..

Он промолчал. Я метнулась в сторону и оказалась зажатой под мышкой. Отвлеклась от зова и недовольно заелозила, засопела, ругаясь.

– Мне неудобно! – попыталась извернуться, получила по мягкому месту и перекочевала на плечо.

Ветер тоскливо ластился к рукам, намекал на чертоговы сокровища, умолял вернуться, и противостоять ему – почти невозможно, и так хотелось поддаться... Но меня снова изловили в воздухе, встряхнули, разлучая с потоком ветра, и водворили на плечо. Я шмыгнула носом, пробормотав «так нечестно».

– Не жалуйся.

– Не подслушивай!

– Не ной.

Последняя пещера сменилась знакомым светящимся коридором.

– Тогдапусти!

– Уверена, что сможешь управлять своим ветром?

Вообще-то нет...

– Разумеется, да!

Он фыркнул, не поверив. Я оперлась локтями о его спину и уныло вздохнула. И разве станешь с такой нянкой хорошим вором?.. Я попыталась зажать уши, но тихий зов звучал внутри меня песней – то манящей, то угрожающей, то ласковой, то отталкивающей. Вечность, когда же это кончится... Коридор завилял быстрыми поворотами, и меня знакомо замутило. Сумеречный решил не ждать, когда я снова сорвусь, и перешел на укороченный путь. Мгновение тошноты – и Шхалар остановился. И замер напряженно.

– Ну и?.. – спросила я недовольно.

А ветер... отстал. Я ощущала его – позади, мечущегося в тисках древних стен. Он был из-за поворота коридора, звал обратно, и там, где мелькал порыв, покрывался чешуйками ряби воздух. И я с удивлением поняла, что чихать мне и на часы, и на время. На все чихать с высокой башни. Я хотела вернуться обратно. Жутко. Непреодолимо. И, обнаружив в себе это стремление, поняла. Так воры и сходят с ума. Так и теряют себя, продавая душу ветру в обмен на старые безделушки. Так и предают близких, забывая обо всем, ломая преграды на пути к вожаемой цели. И так погибают, пропадая бесследно.

Я сникла. И никакие предупреждения не помогут избежать плена зова. До встречи с ним можно считать себя силь-

ным и умным, верить, что справишься, но когда сталкиваешься с непреодолимой силой, которая властно затягивает в свой поток, заманивает обещаниями, дарует чувство свободы и вседозволенности... Тогда и понимаешь, как пусты и бессильны слова предупреждений. И как ты беззащитен перед своенравной стихией, словно беспомощный листок в буйном потоке ветра. И это... жутко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.